Осень Европы

Автор:
Дэйв Хатчинсон

Осень Европы

Дэйв Хатчинсон

Европа #1Роман-головоломка

Недалекое будущее. Под воздействием политических и экономических кризисов Европа распалась на бесчисленное множество крохотных государств, монархий, политий и республик. В этом новом мире бесконечных границ и новых законов Руди работает на странную законспирированную организацию Les Coureurs des Bois. Его жизнь – череда маленьких государств, бесконечная смена масок и паспортов, за которыми начинает стираться его собственная личность. Но на очередном задании все идет не так: Руди поручают вывезти из Берлина одного человека, но, прибыв на место, он находит в номере гостиницы лишь его отрезанную голову. Петля преследований и паранойи начинает затягиваться вокруг Руди, но за бесконечными конфликтами, за постоянно меняющейся политической картой начинает проступать силуэт по-настоящему страшного заговора, который перевернет не только жизнь главного героя, но и всей территории, некогда известной как Европа. Так начинается подлинный кошмар, в котором нельзя верить не только людям, но даже самой реальности, ведь, возможно, меняется и она.

Дэйв Хатчинсон

Осень Европы

Dave Hutchinson

EUROPE IN AUTUMN

© 2014 Dave Hutchinson. All rights reserved.

© Сергей Карпов, перевод, 2018

© Татьяна Веряйская, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Ты не забудешься, поющее ребро

В боку моего сна, всегда со мной.

Алан Льюис

Постскриптум: для Гвено

Часть первая. Осень Европы

Кузен Макса

1

Венгры пришли в ресторан около девяти вечера – восемь крупных мужчин в роскошных костюмах, сшитых на заказ, в обуви ручной работы и с прическами на сотню злотых. Михаль, метрдотель, пытался объяснить, что свободных мест нет и нужно бронировать заранее, но они просто выбрали один из больших столов и сели. Один взял со скатерти карточку «Зарезервировано» и с наглой ухмылкой ловко метнул через весь зал так, что остальным посетителям пришлось пригнуться.

У Макса, владельца, был договор о крышевании с Wesoly Ptak, но, вместо того чтобы позвонить им или в полицию – а и то и другое наверняка кончилось бы кровавой баней, – он взял блокнот и отправился через зал принимать у венгров заказ. Несмотря на такую демонстрацию смелости, немало посетителей в панике потребовали счет.

Венгры уже были навеселе и, пока Макс пытался принять заказ, кричали и хохотали, то и дело передумывали, приходилось записывать заново. Наконец он вернулся от столика к бару, где застыла от страха Гося.

– Шесть бутылок «Зубровки», за счет заведения, – на ходу промурлыкал он девушке, после чего спокойно прошел на кухню. – И чтобы одна нога здесь – другая там.

Руди, который стоял в дверях кухни и с интересом наблюдал за происходящим, сказал:

– Будет что-то ужасное, Макс.

– Готовь, – ответил Макс, передавая заказ. – И готовь быстро.

К десяти часам венгры ослабили галстуки, скинули пиджаки, пели, кричали друг на друга и смеялись над непереводимыми шутками. Они просидели уже три перемены блюд из пяти. В ресторане больше никого не осталось. Когда ужин подошел к концу, Руди отпустил домой и поваров.

В какой-то момент один из венгров – огромный мужчина с лицом цвета борща – начал орать на остальных. Он стоял, слегка покачиваясь, и кричал на своих соотечественников, а те добродушно кричали в ответ, требуя, чтобы он сел и успокоился. Скандалист вспотел, схватил за спинку стул у соседнего стола и

одним легким движением швырнул с разворота через все помещение. Стул врезался в стену, разбил подсвечник и уронил зеркало.

На миг воцарилась тишина. Венгр стоял, глядя на вмятину и обои, хмурился. Потом сел, и один из друзей налил ему, хлопнув по спине, а Макс подал следующее блюдо.

Чем позже становилось, тем сентиментальней вели себя венгры. Они обняли друг друга за плечи и начали распевать песни, всё более грустные с приближением полуночи.

Руди, закончив готовить и убрав на кухне, стоял в дверях и слушал. Голоса у венгров были красивые. Слов он не понимал, но мелодии звучали пронзительно и одиноко.

Один из них увидел, что за ними наблюдают, и начал махать Руди. Остальные обернулись посмотреть, что происходит, и тоже начали его звать.

– Иди, – сказал Макс со своего поста за стойкой.

– Ты шутишь? – сказал Руди.

– Нет. Иди и узнай, чего они хотят.

– А если они хотят меня избить?

– Скоро им наскучит.

– Ну спасибо, Макс, – сказал Руди, направляясь через ресторан.

Стол венгров выглядел так, словно пять перемен блюд на него уронили с потолка. На полу вокруг хрустело под ногами битое стекло и расколотая керамика, ковер был липким от соусов и раздавленной еды.

– Ты повар? – спросил один из них на ужасном польском, когда Руди подошел.

– Да, – сказал Руди, покачиваясь на пятках на случай, если придется спешно отступать.

Польскоговорящий венгр выглядел как кусок говядины, зашитый в новый костюм от «Армани Возрождение». Лицо у него было бледное и потное, в глаза бросалась наплечная кобура, из которой торчала рукоятка исполинского пистолета. Он поманил пальцем размером с сосиску. Руди наклонился, пока их лица не оказались в паре сантиметров друг от друга.

– Уважение! – проревел венгр. Руди поморщился от смачного резкого запаха алкоголя и табака изо рта. – Мы идти везде, но этот сраный город – нет уважение!

Это заявление как будто требовало ответа, так что Руди сказал:

– Да?

– Нет уважение, – сказал венгр, грустно качая головой. Потом вдруг обрадовался. – Здесь, «Ресторан Макс», есть уважение!

– Мы всегда уважаем своих клиентов, – промурлыкал Макс, бесшумно подходя к Руди.

– Да на хрен! – громко сказал венгр. – Да на хрен. «Ресторан Макс» – много уважение.

– А ваш ужин? – поинтересовался Макс с улыбкой.

– Хороший сука ужин, – сказал венгр. За столом закивали. Он посмотрел на Руди и отрыгнул. – Хороший сука повар. Польская еда для свиней, но повар сука хороший.

Руди улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он.

Глаза венгра вдруг сфокусировались.

– Хорошо, – сказал он. – Мы уходить.

Он что-то рявкнул, и все остальные поднялись из-за стола, кроме того, кто бросил стул, – он лежал, прижавшись щекой к скатерти, и тихо храпел. Двое друзей подхватили его за плечи и локти и подняли. К его лицу пристала еда.

– Хороший ужин, – сказал польскоговорящий, все еще обращаясь к Руди. Снял пиджак со спинки стула и втиснулся в него. Сунул руку в нагрудный карман и достал визитку, зажав двумя пальцами. – Хотеть работа – звонить.

Руди взял визитку.

– Спасибо, – повторил он.

– О’кей. – Венгр поднял обе руки к лицу и провел назад, волшебным образом одновременно пригладив волосы и как будто протрезвев. – Мы уходить, – он посмотрел на Макса. – Умный сука поляк. – Залез во внутренний карман и достал кошелек размером с кирпич. – Сколько?

– За счет заведения, – сказал Макс. – Подарок.

Руди посмотрел на своего начальника и спросил себя, что там творится в этом бритом черепе.

Венгр окинул взглядом ресторан.

– Мы много ломать.

Макс беззаботно пожал плечами.

– О’кей, – венгр извлек из кошелька пачку злотых толщиной в сантиметр и протянул. – Ты брать, – сказал он. Макс улыбнулся, слегка поклонился и принял деньги, после чего венгры направились к выходу. Последний всплеск разгульного пения, последний полетевший через ресторан стул, порыв холодного воздуха в открытую дверь – и они исчезли. Руди слышал, как Макс запирает за ними.

– Ну, – сказал Макс, спускаясь назад по лестнице, – интересный выдался вечер.

Руди поднял перевернутый стул, поставил и сел за стойкой. Он обнаружил, что его поварская форма пропотела насквозь.

– Кажется, – сказал он, – тебе пора пересмотреть договор с Wesoly Ptak.

Макс зашел за стойку. Наклонился и поискал на полках.

– Если бы сегодня появился Wesoly Ptak, половина посетителей оказалась бы в морге, – он выпрямился с бутылкой «Старки» и двумя рюмками.

Руди достал из кармана зажигалку и портсигар с маленькими сигарами. Закурил одну и оглядел ресторан. Если быть объективным, ущерб был не такой уж серьезный. Просто много бардака для уборщиков, но в ресторане принимали и свадьбы пострашнее.

Макс наполнил две рюмки водкой и поднял одну для тоста.

– Хороший сука ужин, – сказал он.

Руди посмотрел на него. Затем поднял вторую и осушил залпом. Оба рассмеялись.

– А если они вернутся? – спросил Руди.

Но Макс все еще смеялся.

– Хороший сука ужин, – покачал он головой и снова наполнил рюмки.

* * *

Венгры не вернулись, словно подтверждая мнение Макса, что они просто загуляли, а не намеревались отбивать территорию у Wesoly Ptak.

Wesoly Ptak – или «Веселая птица» – был очень разноплановой организацией. Ее подразделения курировали проституцию, наркотики, вооруженные ограбления, производство паленого алкоголя на окраине Кракова, автобусный транспорт, неопределенное число игровых притонов без лицензии и занимались рэкетом, в основном на Флорианской улице, рядом с Рыночной площадью в бывшей столице Польши.

Вообще, они не славились жестокостью, предпочитали применять силу с хирургической точностью, а не широкими мазками. Например, ресторатор или владелец магазина, который пытался организовать соседей против этой банды, оказывался в больнице с самыми современными протезами суставов в ногах. Другие бунтари понимали намек, и восстание заканчивалось. Другая банда начала бы кампанию устрашения, забросала бы смутьянов гранатами или организовала волну зрелищных кровавых убийств, но «Веселая птица» довольствовалась подходом «лучше меньше, но лучше».

После посещения венграми «Ресторации Макса» некоторые другие заведения начали вслух интересоваться, за что же они платят Wesoly Ptak. Это продолжалось примерно день, а потом с сыном одного из владельцев произошел несчастный случай в школе. Ничего опасного для жизни: пара шишек и царапин, но после этого ропот на Флорианской затих.

Примерно через неделю «Ресторацию Макса» посетил перед закрытием Дариуш, представитель Wesoly Ptak. Все работники, кроме Руди и Михаля, уже ушли домой. Макс попросил Руди приготовить два стейка по-татарски, а сам с Дариушем взял бутылку «Выборовой», пару рюмок и занял столик в самом темном углу опустевшего ресторана.

Когда Руди показался из кухни с ингредиентами для стейка по-татарски на подносах, Макс и Дариуш углубились в разговор, их окутывал сигаретный дым, слабо подсвеченный маленьким канделябром над столиком.

Заметив подходящего Руди, Дариуш поднял взгляд и улыбнулся.

– Ужин, – сказал он.

Руди поставил на стол подносы с анчоусами и нарезанным луком, мисочки с маринованными огурцами, специи, тарелки с ржаным хлебом, масленки с

несоленым маслом, две тарелки говяжьего фарша с желтком в ямке сверху.

– Мы обсуждали посетителей за прошедший месяц, – сказал Дариуш.

– Вечер был насыщенный, – согласился Руди, меняя пепельницу на столе. – Приятного аппетита.

– Может быть, присядешь и выпьешь с нами? – спросил Дариуш.

Руди взглянул на Макса, который сидел на другой стороне, как лощеный и благоденствующий силезский Будда, сложив руки на обширном животе. Макс мягко улыбался, воззрившись в какие-то далекие дали, но еле заметно кивнул.

Руди пожал плечами.

– Ладно, – поставил поднос и грязную пепельницу на соседний стол, подтянул стул и сел.

– Оживленный день, – пророкотал Макс, поднимая вилку.

Руди кивнул. Сразу после визита венгров посещаемость на несколько дней снизилась, но теперь она восстановилась. В начале этой недели Макс даже что-то промурлыкал о прибавке, но Руди знал его слишком долго, чтобы принимать это всерьез.

– Я тут думал о Владеке, – сказал Макс.

Владек был последним из длинной череды поваров, которые устраивались в «Ресторацию Макса», но вскоре понимали, что им слишком мало платят за многочасовую тяжелую работу.

– Вроде бы опытный, – сказал Руди, наблюдая, как Макс размазывает вилкой по тарелке яйцо и говядину.

– Все они сперва вроде бы опытные, – согласился Макс. – А потом становятся жадными.

– Это не жадность, Макс, – ответил Руди. Макс покачал головой.

– Они думают, что могут приехать сюда и уже через месяц открыть собственный ресторан. Они не понимают этот бизнес.

Философия ресторанного бизнеса в понимании Макса имела немало общего с дзен-буддизмом. Руди, которому была больше интересна готовка, а не философия, ответил:

– Это распространенное заблуждение.

– В моем бизнесе так же, – сказал Дариуш. Руди почти забыл, что маленький человек по-прежнему оставался за столом, но вот он – с простодушной целеустремленностью перемешивает анчоусы и нарезанный лук с говядиной. – Вы бы видели некоторых наших новобранцев, особенно в последние дни. Думают, что уже через год будут заправлять городом, – он печально улыбнулся. – Вообразите их разочарование.

– Да, – сказал Руди. – Только разница в том, что сушефам проще покинуть ресторан, чем некоторым – Wesoly Ptak.

Макс бросил на него взгляд, оторвавшись от тарелки, вздохнул, покачал головой и продолжил разминать еду вилкой.

Если Дариуш и обиделся, то никак это не показал.

– Это такой же бизнес, как и любой другой, – сказал он.

– Не совсем, – ответил Руди.

Макс снова посмотрел на него. На этот раз чуть нахмурился, прежде чем вернуться к стейку.

Дариуш тоже нахмурился, но морщинки на лбу были почти незаметны и уже через миг разгладились.

– Ну, готовим мы меньше, это правда, – сказал он и рассмеялся. Макс улыбнулся и покачал головой.

Руди откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Wesoly Ptak был вполне заурядным явлением; он встречал подобные организации и в Таллине, и в Риге, и в Вильнюсе, и все они были одинаковые, но Дариуш мало походил на их представителя. Он казался заурядным – худой мужчина средних лет с дешевой прической и морщинками от смеха вокруг глаз. Если и был вооружен, то невзрачный и дешевый деловой костюм это великолепно скрывал.

– Стоит волноваться из-за венгров? – спросил Руди.

Дариуш оторвался от еды, с удивлением подняв брови:

– Волноваться? Зачем вам волноваться?

Руди пожал плечами, наблюдая, как Макс трудится над стейком. Руди ненавидел стейк по-татарски. Клиент готовил блюдо сам и при этом занимал место надолго. Особенно поляки, которые рассматривали это блюдо как повод для общения. Они сидели над ним целую вечность, пробуя снова и снова, добавляя крошки специй. Когда он откроет свой ресторан, стейка по-татарски в меню не будет.

Дариуш дотронулся до руки Руди. Тот заметил его обкусанные ногти.

– Волноваться не надо, – сказал Дариуш.

– Ладно, – сказал Руди.

– Такое случается все время.

– Со мной – нет.

Дариуш улыбнулся:

– Думай о нас как о государствах. Поляки и венгры – криминальные правители Европы.

– И болгары, – добродушно вставил Макс. Дариуш пожал плечами.

– Да, стоит включить и болгар. Мы обязаны все время посещать друг друга, проведывать, держать руку на пульсе, – объяснил он. – Это вопрос дипломатии.

– То есть то, что случилось в ту ночь, – дипломатический инцидент? – спросил Руди.

– Это было бы дипломатическим инцидентом, если бы не возобладал здравый смысл, – Дариуш кивнул на Макса.

– Ты не пьешь, – заметил Макс. Он посмотрел через весь ресторан на Михаля, который отреагировал как метрдотель-телепат и принес на стол чистую рюмку для Руди, после чего удалился за стойку. Макс наполнил рюмку водкой и сказал:

– Они просто хотели хорошо провести вечер, но не могли, потому что их все боятся.

– И я могу это понять, – сказал Дариуш. Он попробовал стейк, поморщился, взял бутылек с табаско и стряхнул на мясо пару капель. – Банда пьяных венгров, вооруженных до зубов, вваливается в рестораны и бары. Что еще остается думать?

– Верно, – согласился Макс.

– Если бы кто-то отреагировал слишком бурно, виноваты были бы только они сами, – продолжал Дариуш. Он снова попробовал стейк, и в этот раз мясо пришлось ему по вкусу. Он даже поднял вилку ко рту и с довольным видом начал жевать.

– А это никому не нужно, – сказал Макс. Видимо, его стейк тоже оказался удовлетворительным. Он приступил к еде.

– Вот именно, – сказал Дариуш. – Из-за такого пустяка может начаться война, – он посмотрел на Руди и наклонил голову набок. – Ты из Таллина, да?

– Я родился в Таэваское, – ответил Руди. – Но жил в Таллине.

– Никогда там не был, – Дариуш посмотрел на свою рюмку, но она была пуста. – Как там?

Руди наблюдал, как Макс наполняет рюмку Дариуша.

– Нормально.

– Для эстонца ты очень хорошо говоришь по-польски.

Руди поднял свою и осушил одним глотком.

– Спасибо.

Дариуш отложил вилку и разразился смехом. Он потянулся через стол и хлопнул Макса по плечу.

– Я же говорил! – сказал он. – Я же говорил?

Макс улыбнулся, кивнул и продолжал есть. Руди открыл «Выборову» и налил себе еще. Михаль рассказал ему, что Wesoly Ptak взял название из песни Евгениуша – одного из представителей богатой польской традиции социально-политического стихосложения, из числа тех, которые ненадолго приобретали известность, прежде чем спиться или получить пулю от ревнивого мужа или разгневанного любовника. Птица поет в клетке, и хозяева думают, что она счастлива, объяснял ему Михаль, но птица все равно сидит в клетке. Этот экскурс в историю поставил Руди в тупик.

– Мы обсуждали геополитику, – сказал ему Дариуш. – Интересуешься геополитикой?

– Я повар, – ответил Руди. – Не политик.

– Но у тебя же должно быть свое мнение. У всех есть мнение.

Руди покачал головой.

Дариуш с недоверием посмотрел на него. Поднял рюмку и сделал глоток.

– На прошлой неделе я видел по новостям, что в этом году в одной только Европе появилось двенадцать новых народов и суверенных государств.

– А через год большинства из них уже не будет, – сказал Руди.

– Вот видишь? – Дариуш с триумфом показал на него. – У тебя есть мнение! Я так и знал!

Руди вздохнул.

– Я знаю только то, что вижу по новостям.

– Европа напоминает мне ледник, – проговорил Макс, – от которого откалываются айсберги. – Он набил рот стейком по-татарски и жевал с довольным видом.

Руди и Дариуш долго смотрели на него. Затем Дариуш снова перевел взгляд на Руди.

– Неплохая аналогия, – сказал он. – Европа раскалывается на всё более и более маленькие государства.

– Квазинациональные образования, – поправил Руди. – Политии.

Дариуш фыркнул.

– Санджаки. Маркграфства. Принципалитеты. Земли. Европа проваливается обратно в восемнадцатый век.

– Тем больше территорий для вас, – заметил Руди.

– Территория все та же, – сказал Дариуш. – Больше бюрократии. Больше ограничений. Больше границ. Больше пограничников.

Руди пожал плечами.

– Взять для примера Гинденберг, – сказал Дариуш. – Интересно, как им было? Ложишься спать во Вроцлаве, а просыпаешься в Бреслау. Как им было?

Только это случилось не за одну ночь. То, что произошло с Вроцлавом, Ополе и городишками и деревеньками между ними, тянулось долго и тяжело, и, если следить за новостями, любому было очевидно, что для поляков вопрос еще не закрыт.

– Взять время после Второй мировой войны, – сказал Руди. – Встретились в Ялте Черчилль, Рузвельт и Сталин. Засыпаешь в Бреслау, а наутро просыпаешься во Вроцлаве.

Дауриуш улыбнулся и показал на него вилкой, словно уступая.

В разговоре возникла короткая пауза.

– У меня в Гинденберге живет кузен, – произнес Макс. Дариуш посмотрел на него.

– Раз уж мы об этом заговорили, – сказал он, – почему ты сам там не живешь? Ты же силезец.

Макс хмыкнул.

– Часто видишься с кузеном? – спросил Дариуш. Макс пожал плечами.

– Путешествовать трудно. Визы и так далее. У меня польский паспорт, он – гражданин Гинденберга.

– Но он тебе звонит, да? Пишет имейлы?

Макс покачал головой и пророкотал:

– Политика польского правительства.

Дариуш показал на Руди:

– Вот видишь? Видишь, какую боль это причиняет?

Руди налил себе еще, подумав, что разговор вдруг принял очень специфический оборот.

– И как, – сказал Дариуш Максу, – давно ты выходил на связь со своим кузеном?

– Давно, – задумчиво согласился Макс, словно это не приходило ему в голову. – В наши дни даже почте нельзя доверять.

– Возмутительно, – пробормотал Дариуш. – Возмутительно.

Руди допил и встал, решил посмотреть, что случится.

Случилось только то, что Дариуш и Макс продолжали смотреть куда-то вдаль, задумавшись о несправедливости ситуации с Гинденбергом и отношения Польши к нему. Руди снова сел и взглянул на них.

– И вот они мы, – сказал он наконец. – Два человека с польскими паспортами, которым трудно получить визу, чтобы попасть в Гинденберг. И один эстонец, который может перейти границу практически без помех.

Дауриш как будто пришел в себя. Его лицо просветлело.

– Ну конечно, – сказал он. – Ты же эстонец, верно.

Руди втянул воздух сквозь зубы и налил себе еще.

– Руди – эстонец, Макс, – сказал Дариуш.

Руди потер глаза.

– Что у вас там, – спросил он, – наркотики?

Дариуш посмотрел на него, и на миг Руди показалось, что в нужных обстоятельствах маленький мафиозо может быть очень страшным человеком.

– Нет, – сказал Дариуш.

– Радиоактивные материалы?

Дариуш покачал головой.

– Шпионаж?

– Тебе лучше не знать, – сказал Макс.

– Одолжение, – честно ответил Дариуш. – Ты сделаешь одолжение нам – мы сделаем одолжение тебе, – он улыбнулся. – Разве это так уж плохо?

Это могло быть плохо по сотне непредвиденных причин. Руди молча отругал себя. Надо было просто подать еду и отправляться домой.

– Как будет проходить доставка?

– Ну, – сказал Дариуш и почесал в затылке, – это зависит скорее от тебя. И это не доставка.

* * *

Позже тем же вечером, выходя из душа, Руди бросил взгляд на зеркало, висевшее над раковиной. Он снял полотенце и посмотрел на свое отражение.

Ну, вот он. Чуть ниже среднего. Худой. Короткие блеклые русые волосы. Простое безобидное лицо: не славянское, не арийское – на самом деле никакое. Ни следа

лопарской родословной, которой всегда хвастался его отец. Карие глаза. Тут и там шрамы – награды за службу поваром. На предплечье – от перевернутого вока в Вильнюсе, а выше над ним – из-за того, что он поскользнулся на кухне у одного турка в Риге, а его фруктовый нож каким-то образом перевернулся в воздухе и прошел прямо через рукав формы, кожу и мышцы.

– Не бегать на моей кухне! – заорал на него турок. Потом перевязал Руди и вызвал скорую помощь.

Руди поднял правую руку над головой, чтобы увидеть длинный кривой шрам, начинавшийся над подвздошной костью и кончавшийся у правого соска. Это уже не несчастный случай на кухне. Это скинхеды – когда он пытался найти работу в Варнемюнде. Он до сих пор не знал, хотели они его убить или только напугать, и сомневался, что они знали сами. Он увидел в этом знак, что его скитания по Балтийскому побережью подошли к концу, и направился вглубь континента – сперва в Варшаву, потом в Краков.

Первым делом после собеседования Макс протянул швабру.

– У меня есть опыт, – запротестовал Руди, показывая на конверт со своими рекомендациями, который Макс держал в другой руке. – Рига, Таллин…

– Хочешь работать на моей кухне – сперва приведи ее в порядок, – ответил Макс. – А потом посмотрим.

Руди действительно думал тогда же развернуться и уйти из «Ресторации Макса», пройти по Флорианской, вернуться на вокзал, сесть на поезд и уехать подальше от этого грязного городишки, но он был на мели, а к работе прилагалась тесная комнатушка в десяти лестничных пролетах над рестораном, и он уже устал путешествовать, так что он взял швабру, сказал себе, что это временно и что, как только он накопит достаточно, он снова отправится на поиски кухни, где его оценят по достоинству.

Он горбатился со шваброй восемь месяцев, прежде чем пани Стася, грозный шеф-повар Макса, позволила ему хотя бы приблизиться к еде. К этому времени он уже по уши увяз в войне характеров с этой сморщенной теткой и покинул бы кухню Макса только ногами вперед.

Оглядываясь назад, он поражался, что продержался так долго. Так же у него было и с Сергеем в Таллине, и с турком, и с Большим Роном в той жуткой кухне в Вильно, но с пани Стасей это стало чем-то личным, как будто она поставила своей целью сломать его. Она постоянно кричала: «Подай то, подай это. Помой здесь, помой там. И это ты называешь чистотой, балтийский урод? Быстрее, быстрее. Не бегать на моей кухне! Скорее! Скорее!»

Он отнюдь не был единственным членом команды, вызывавшим гнев пани Стаси. Она ко всем относилась одинаково. У нее был деформированный тазобедренный сустав, так что перемещалась она с помощью черной лакированной трости из углеродного волокна, тонкой, как карандаш, и мощной, как балка. Все, даже Макс, рано или поздно слышали свист трости пани Стаси, которая описывала дугу к их икрам.

В этом бизнесе принято, что великие шефы могут быть жестокими и темпераментными, и, если желаешь учиться у них, приходится терпеть всевозможные оскорбления и физическое насилие. Турок – выдающийся повар – однажды отправил Руди в нокаут одним ударом за то, что тот передержал порцию спаржи. Пани Стася не была выдающимся поваром. Она была компетентным поваром в маленьком польском ресторане. Но что-то в ее ярости разожгло в нем дремлющее сопротивление, которое вдруг твердо заявило, что эта скверная старушонка не выдавит его с кухни, не победит.

И он убирал, чистил и мыл, и кожа на его руках краснела, трескалась и кровоточила, а ноги болели так, что иногда по ночам он едва мог добраться до своего закутка на чердаке. Но он работал и отказывался сдаваться.

Пани Стася, почувствовав на своей кухне неожиданное движение сопротивления в количестве одного человека, сосредоточила все внимание на Руди. Так он стал популярен среди других работников, которым теперь доставалось меньше.

Однажды за какую-то выдуманную оплошность она прогнала его с кухни в припадке гнева, необычном даже по ее стандартам: удивительно быстро хромала за ним и дубасила по голове и плечам тростью. Один свистящий удар рассек его левую мочку и оглушил на несколько часов. Один из поваров побежал в ресторан и сказал Максу, что пани Стася убивает Руди, а когда Макс ничего не сделал, пошел ко входу и вызвал полицию, которая решила, что в тот вечер ее присутствие требуется где-то в другом месте, и не потрудилась ответить на вызов.

Через какое-то время Макс нашел Руди: он сидел в переулке за рестораном с окровавленными плечом и рукавом формы.

– Тебе лучше уйти, – сказал Макс.

Руди поднял взгляд на хозяина и покачал головой.

Макс молча смотрел на него пару секунд, затем кивнул и протянул руку, чтобы помочь подняться.

Так продолжалось и дальше, но однажды ночью после закрытия, когда он мыл пол, пани Стася почти бесшумно подкралась и занесла трость, а он обернулся и поймал ее на лету, и почти минуту та визжала, боролась, ругалась и пыталась вырвать трость из его хватки. Наконец она прекратила бороться и ругаться и пронзила его горячими злыми глазами.

Он отпустил трость, она вырвала ее и еще какое-то время смотрела на него. Затем развернулась и проковыляла через кухню на выход.

На следующее утро Макс встретил его новостью о прибавке и повышении.

Не то чтобы он заметил существенную разницу. Ему по-прежнему приходилось мыть, чистить, носить и подавать, по-прежнему приходилось терпеть гнев пани Стаси. Но теперь она ожидала, что он будет еще и готовить.

Она наказывала за каждую оплошность, даже маленькую. Однажды, засыпая на ходу от усталости, он положил в миску с салатом, уже пролежавшим несколько минут, свежую порцию, и за это она чуть не выбила из него дух.

Но он учился. Первое, что он выучил: если он хочет остаться на кухне пани Стаси, ему придется забыть свое четырехлетнее странствие по Балтийскому побережью. Все, что он узнал у турка и других поваров, для этой старушонки не значило ровным счетом ничего.

Мало-помалу, месяц за месяцем ее припадки недовольства становились все реже и реже, пока однажды, почти полтора года спустя после того, как он впервые вошел в «Ресторацию Макса», она позволила ему приготовить блюдо.

Но не позволила подать. Она приготовила такое же и отправила его в ресторан, а затем сняла пробу со стараний Руди.

Пока Руди следил за ней, он заметил, как вся кухня затихла. Он огляделся и обнаружил, что оказался в типичном киношном моменте. Все на кухне следили за пани Стасей. Даже Макс, стоявший в распахнутой двери, ведущей в ресторан. Это тот момент в фильме, подумал Руди, когда зеленый новичок наконец заслуживает ворчливое одобрение ментора. А еще он знал, что жизнь не похожа на кино и что пани Стася сплюнет еду на кафель и потом забьет его до потери сознания.

В итоге жизнь и кино встретились, и пани Стася обернулась, облокотилась на трость и взглянула на публику. Она готова подумать, объявила она наконец, о том, чтобы подать стряпню Руди своей собаке.

Повара зааплодировали. Руди их даже не слышал. Позже ему казалось, что только он один из всех заметил, какой старой выглядела в этот момент пани Стася.

Она умерла тем же летом, и Руди просто занял ее место. Макс не делал никаких формальных объявлений, не заключал новый договор – ничего. Даже не повысил зарплату. Руди просто унаследовал кухню. На похоронах присутствовал только он с Максом.

– Я так ничего о ней и не узнал, – произнес он, глядя, как гроб опускают в землю.

– Это была моя мать, – сказал Макс.

2

В Гливице мело: с неба, где бурлили желчные тучи, мягко опускались толстые белые снежинки. Поезда местного сообщения до Стшельце-Опольске пришлось ждать два часа.

Маленький грохочущий поезд был полон силезцев, говоривших на польском с немецким акцентом и на немецком с польским акцентом. Пассажирам в купе Руди было интересно, зачем он решил посетить Гинденберг, но он говорил на немецком с заметным эстонским акцентом, а бытовало мнение – по крайней мере среди его спутников, – что балтийцы вытворяют, что им в голову взбредет.

– У меня отпуск, – сказал он. – Хочу повидать Гинденберг.

Эстонец, который хочет повидать Гинденберг, казался такой диковинкой, что все остальные вопросы отпадали сами собой, на что он и рассчитывал.

В паре километров от Гливице вдоль путей бегали польские дети и бросались в поезд камнями. Никто не обращал на них внимания; в эти дни было бы странно проехать по Польше на поезде без того, чтобы в тебя что-нибудь не бросили, или не уронили с моста, или не оставили на путях. Руди полагал, что это как-то связано с обидой поляков из-за Линии, но обида поляков из-за Линии – вещь сложная, а, кроме того, у поляков имелось еще столько поводов для обид, что было трудно сказать наверняка. Возможно, это просто мода – одно из бессмысленных невротических поветрий, которые иногда охватывают культуры, как езда на крыше лифта, загородные торговые центры или краш-музыка.

Поезд покачивался и полз через маленькие замызганные промышленные городки. Падение стены уже стало отдаленным туманным воспоминанием, но Восточной Европе по-прежнему не хватало генеральной уборки и свежей краски. В некоторых из самых загрязненных городов Польши высились грандиозные средневековые здания, но все они были покрыты столетними корками копоти. Он видел документальный фильм, в котором профессор из Ягеллонского университета в Кракове сказал, будто никто не смеет чистить здания, потому что грязь – единственное, что защищает их от кислотных дождей.

За окном – заснеженный пейзаж с пустошами, лесами, заброшенными сталелитейными фабриками и ржавеющими коксохимическими заводами, окруженными монолитными многоквартирными блоками из коммунистической эпохи. Маленькая перевернутая машина в кювете у путей, на ее колесах – шапки из грязного снега. Солнце в небе сидело низко, бледное и холодное за падающим снегом, слишком слабое, чтобы отбрасывать тени. Какие-то силезцы дальше по вагону начали петь. Руди закрыл глаза и задремал.

К северу от Стшельце-Опольске пути приходили к пограничной станции между двумя десятиметровыми заборами из мелкоячеистой металлической сетки, увенчанной экстравагантными спиралями колючей ленты. Глядеть через сетку все равно что глядеть сквозь туман. Руди видел по другую сторону автобусную остановку, людей, возвращавшихся с работы, машины, кружащие по кольцевой развязке, многоквартирные дома, фабричную трубу в оранжево-белую полоску, изливающую в небо лиловый дым.

Когда город поредел, поезд замедлился. Силезцы начали подниматься с мест и накидывать куртки, забирать багаж с полок, надевать шляпы на головы. Руди остался сидеть, где сидел, глядя в окно. Границы вдоль Балтийского побережья были не более чем формальными линиями на карте; сегодняшние приключения стали для него совершенно новым опытом, и ему было искренне интересно, как устроена процедура пересечения границы.

Поезд как будто приближался к миру, где светило молодое голубое солнце, а не то, что теперь садилось в дымке смога на горизонте. На высоких столбах висели такие яркие фонари, что на них было даже больно смотреть. Они смывали все, что оставалось от естественного дневного света, а заодно и естественные цвета на улице. Вся станция на границе лежала посреди огромной лужи этого света. Все вокруг было так хорошо освещено, что Руди задумался, не видно ли его из космоса.

Пограничная станция представляла собой компактное скопление низких кирпичных зданий вдоль платформы, которую патрулировали офицеры польской пограничной службы в черной форме. За этими строениями росли новые сетки с колючими лентами. Высаживающиеся пассажиры направлялись в одно из зданий, где переминались в четырех очередях к паспортному и таможенному контролю. Когда подошла очередь Руди, он отправил рюкзак на сканер на стойке и видел, как за ним наблюдает через монитор польский чиновник.

– Паспорт, – сказал поляк.

Руди подал паспорт, и поляк вставил его в ридер, встроенный в стойку. Бросил взгляд на один из экранов, потом на Руди.

– Цель посещения?

– У меня отпуск, – сказал Руди.

Поляк смотрел на него еще мгновение, затем достал паспорт из слота и протянул Руди.

– Проходите.

– Спасибо, – сказал Руди. Взял паспорт, прошел за стол и забрал рюкзак со сканера.

С другой стороны здания в конце короткого коридора стояла идентичная стойка. За ней сидел чиновник в униформе цвета фельдграу.

– Паспорт, – сказал чиновник на немецком.

Руди снова отдал паспорт и наблюдал, как его проверяет гинденбергец. Он представил тот же фарс в зданиях по другую сторону путей, где люди переминаются в таком же коридоре, чтобы покинуть Гинденберг. Дариуш говорил ему, что иногда на то, чтобы пропустить пассажиров одного состава, уходит четыре часа – смотря насколько кровожадно настроены в этот день друг к другу правительства каждой из сторон.

– Цель посещения? – спросил гинденбергец.

– Я в отпуске.

Чиновник посмотрел на него с выражением легкого удивления. Снова проверил экран.

– Эстонец.

– Да.

Гинденбергец слегка покачал головой.

– У меня только неделя отпуска в год, – объяснил Руди. – Я шеф. Когда я в отпуске, начальнику приходится нанимать повара из агентства.

Гинденбергец снова покачал головой. Вернул Руди паспорт из слота.

– Найди другую работу, приятель.

– Сам знаю, – сказал Руди, забирая паспорт. Вышел из коридора и оказался на новой платформе, где ожидал отправления поезд в Бреслау.

3

В последние годы двадцатого века по Европе пронеслось эхо открывающихся дверей, когда обрел плоть и кровь, хотя и с оговорками в случае некоторых государств, проект Шенгенского соглашения.

Долго он не протянул. В первые годы двадцать первого века в полную силу зазвучала симфония захлопывающихся дверей. Экономический коллапс, паранойя из-за беженцев и, конечно, GWOT – Глобальная война против терроризма – вернули паспортные и иммиграционные проверки разной степени жесткости – смотря о чьей границе идет речь. Затем сианьский грипп вернул карантинные проверки и национальные границы как средства контроля за распространением болезни; он погубил – в зависимости от того, чьим данным веришь, – примерно от двадцати до сорока миллионов человек в одной только Европе. В придачу он погубил Шенген и выбил и без того довольно шаткую почву из-под ЕС.

Союз дотянул до двадцать первого века и умудрился в том или ином виде выживать еще несколько лет – годы нытья, междоусобиц и кумовства. Затем от него спонтанно начали отшелушиваться всё более мелкие и безумные национальные государства, как с обгорелого отпускника – завитки кожи.

Никто так и не понял, почему это произошло.

Неожиданным оказалось то, что Союз продолжал облезать кусочек за кусочком даже после сианьского гриппа. На бумаге он еще существовал, но только в разрозненных осколках, вроде франшизы «Бургер Кинг», в основном в Англии, Польше, Испании и Бельгии, и по большей части только громко ныл в ООН. Последней модой в Европе стали страны, и их с каждым годом становилось все больше и больше.

Континент кишел наследниками Романовых, Габсбургов, Гримальди, Саксен-Кобург-Готов и таких династий, о которых никто даже не слышал, но вроде как они всего лишились чуть ли не в XV веке. Каждый хотел создать свое карманное государство. Они обнаружили, что им придется соревноваться с тысячами микроэтнических групп, которые вдруг тоже стали претендовать на европейские земли, а также религиозными группами, коммунистами, фашистами и фанатами U2. Одно время даже существовал – очень недолго – город-государство, или, вернее, деревня-государство, которым правили поклонники Гюнтера Грасса. Руди было отчего-то жаль, что Грассхейм вновь поглотила Померанская Республика, которая, впрочем, и сама появилась всего десять-пятнадцать лет назад. Ему очень нравился «Жестяной барабан».

* * *

Независимое Силезское государство Гинденберг – ранее польские города Ополе и Вроцлав (ранее – немецкие города Опельн и Бреслау, ранее – прусские города… и т. д., и т. д.) и их окрестности – было этаким тевтонским островком в славянском море. Польша под принуждением ЕС, ООН и НАТО признала родину этнических силезийцев, но отказалась предоставлять молодому государству новую землю в качестве моста к Великой Германии. Гинденберг ответил введением драконовских визовых требований для поляков, на что Польша ответила искусственным снижением обменного курса злотого и гинденбергской марки до самого дна.

Не обходилось и без территориальных споров, пограничных операций, польских военных учений в паре метров от забора Гинденберга. Гинденберг же неофициально предлагал свои услуги в качестве убежища для самых богатых и могущественных боссов польской мафии и отказывался подписывать со славянским соседом договор об экстрадиции.

Последние разборки касались смены ширины колеи руководством Гинденбергской железной дороги. В ответ Польша ввела эмбарго на почтовые отправления в Силезское государство.

Все считали, что в конце концов ситуация устаканится. До тех пор полякам, желающим посетить Гинденберг, приходилось платить тысячи злотых и ждать визу шесть месяцев, а гинденбергцы, желающие посетить Польшу, обнаруживали, что одна Г-марка стоила около четырех грошей; польские поезда не могли пересекать Гинденберг по пути в Познань и к границе Великой Германии, а доставка почты в Гинденберг находилась в состоянии хаоса.

Пока поляки ссорились с гинденбергцами, кабели передачи данных и телефонные линии либо прослушивались, либо перерезались, а все частоты радио, телевидения и спутников глушились. Никто в Польше в пяти километрах от границы не мог посмотреть телевизор или воспользоваться вайфаем.

Руди казалось, что все это нелепо, но очень по-польски. Есть старая поговорка, что поляки несчастливы, пока им не будут говорить, что делать. Руди замечал, что на самом деле счастье полякам доставляло слушать, что им говорят, а потом делать ровно наоборот.

* * *

Банхоф-Бреслау был полон света – колоссальный клин из стекла и трубчатой стали, вставленный в сердце старого польско-германского города. Он был поразительно чистым. Руди слышал даже эхо собственных шагов по мраморному полу, пока шел от платформы к главному входу. Сразу за автоматическими дверями он остановился и широко раскрыл глаза.

Не один вокзал – весь город был полон света.

Хотя Великая Германия давно отказалась от конституционных притязаний на земли Западной Польши, все, в общем, понимали: Берлин действительно рад, что этнические силезцы наконец обрели свой дом. Великая Германия была уже не такой великой, как прежде, распадалась на всё более мелкие и анархические автономные регионы, так что перспектива расширения немецкого влияния на восток казалась весьма привлекательной. Настолько, что в Гинденбергский

национальный банк нашла дорогу довольно большая сумма Д-марок, и гинденбергцы воспользовались ими, чтобы стереть все следы польского Вроцлава и начать заново.

Потому Бреслау – и Ополе, и большая часть земель между ними – сильно напоминал Берлин: огромная масса офисных и жилых зданий вперемежку с остатками прусской архитектуры, пережившей две мировых войны, пятьдесят лет коммунистической оккупации и шесть десятилетий польской администрации. По дороге перед вокзалом мельтешили машины и автобусы, а через дорогу высился сияющий монолит «Марриотта». Руди подумалось, что одно это уже говорит о многом: когда приходят гостиничные сети, более-менее понятно, что полития останется надолго.

Вдоль вокзала выстроилась шеренга такси BMW. Руди сел в одно из них, назвал водителю отель, где забронировал номер на ночь, и машина тихо умчала его прочь.

* * *

Руди прочитал немало шпионских триллеров, так что ситуация, в которую он попал, казалась знакомой. Даже более чем знакомой: от нее так и несло клише. Плащ и кинжал, тайные встречи на темных улицах Центральной Европы. Но он не чувствовал нервозности. Может, легкий стыд, но не нервозность.

Когда такси свернуло на Фрейтаг-алли, недалеко от отеля, Руди наклонился с заднего сиденья и сказал:

– Вот что, приятель, высади меня здесь. Дальше я дойду пешком.

Водитель остановился на обочине, затем повернулся на сиденье и посмотрел из-за подголовника на Руди.

– Я здесь в отпуске, – сказал Руди. – Глупо везде ездить на машине.

– В последнее время тут часто грабят, – сказал водитель без особой озабоченности в голосе.

– Я слышал, Гинденберг покончил с преступностью.

Водитель рассмеялся.

– Смешно, – сказал он, забирая деньги у Руди. – Покончил с преступностью. Очень смешно.

Отъезжая, он все еще смеялся, оставив Руди на тротуаре. Руди подождал, пока такси исчезнет за углом, затем вернулся назад по улице.

Он с радостью обнаружил, что Фрейтаг-алли не темная улица Центральной Европы. Это был ярко освещенный торговый проспект, все еще гудящий от пешеходов и дорожного движения. Все выглядели хорошо одетыми, процветающими и счастливыми – после Кракова он отвык от подобного зрелища. Руди неторопливо брел вперед, разглядывая витрины. Постоял пять минут перед автодилером «пежо», за бледно-зелеными пуленепробиваемыми витринами которого стояла дюжина безупречно чистых машин. Посмотрел на цены, перевел марки в злотые и прикинул, что если бы он хотел купить «пежо» в Гинденберге, то ему пришлось бы проработать на кухне Макса еще сто пятьдесят лет.

Он не спеша побрел дальше. В нескольких метрах к внутренней стороне одной из широких витрин была прикреплена сотня пейперскрин-телевизоров – все настроены на один и тот же футбольный матч. По футболкам игроков Руди решил, что это венгерско-английский международный матч, а по действию на поле и трибунах – что настроение царит зрелищно-враждебное.

Минут через пять к нему подошел мужчина и встал рядом, и они стали смотреть матч вместе.

– Никакой это не гол, – сказал через некоторое время мужчина на немецком.

– Может, и гол, – ответил Руди. – Сомневаюсь, что кто-то еще понимает, что такое офсайдная ловушка.

– Это правда, – признал мужчина. – Я точно не понимаю.

Руди взглянул искоса: это был коренастый, плечистый человек, основательно подготовившийся к холодному вечеру. На нем было длинное пальто с поднятым воротником и шляпа с широкими полями. К тому же шею и нижнюю часть лица скрывал шарф, так что Руди мог видеть только глаза и воспринимать язык тела.

– Это очень печальный город, – сказал мужчина.

– Как и многие другие города, – согласился Руди, как велел ему Дариуш.

Плечистая фигура вроде бы расслабилась.

– Пятьдесят семь, – сказал мужчина.

– Пятьдесят семь, – повторил Руди.

Мужчина опустил руки в карманы и двинулся прочь. Через пару шагов он остановился, обернулся и посмотрел на Руди.

– Ты очень молодой, – сказал он.

Руди попытался вспомнить, дал ли ему Дариуш ответ на эту фразу. Пришел к выводу, что это уже обычный разговор, и к своему удивлению обнаружил, что застигнут врасплох.

– Простите, – ответил он.

Закутанный мужчина понаблюдал за ним еще несколько мгновений. Затем пожал плечами, отвернулся и пошел по улице. Руди смотрел, как за дилером «пежо» он сворачивает за угол и исчезает из поля зрения.

И на этом все кончилось. Руди стоял перед витриной и смотрел игру венгров с англичанами за стеклом. Он не мог понять, откуда поступает сигнал. Точно не с наземных или спутниковых источников, их бы поляки заглушили. Как и кабельную связь с Великой Германией. Может, кто-то включил запись на флешке. Камеры показали трибуны. Кто-то пронес мимо детектора металла и взрывчатки морскую сигнальную ракету. От яростной, раскаленной добела точки в колыхающемся океане тел над толпой плыл плотный оранжевый дым.

Он простоял еще десять или пятнадцать минут. Венгрия забила гол с пенальти. Сирены не звучали. К нему никто не подходил. Его никто не пытался арестовать. Никто не пытался ограбить. Наконец он отправился в свой отель.

4

Краков казался грязным. По-другому не скажешь: после Бреслау он казался грязным. Величественным, красивым, но грязным. Вывалившись из поезда на вокзале Krakow Glowny, он обнаружил, что впервые за долгие годы замечает загрязнение воздуха. Рассвет был роскошным. Краков повидал немало роскошных рассветов – именно из-за загрязнения. По той же причине он отличался апокалипсическими закатами.

Руди прошел к центру города. Перед Барбаканом уже открылись прилавки с пиццей и колбасой, и от запахов мяса и горячего масла на утреннем ветру у него потекли слюнки, но он прошел мимо. Подумав при этом, что только туристы могут быть настолько глупы, что рискнут купить здесь пиццу.

Флорианская улица казалась почти пустынной. Руди вошел через главный вход «Ресторации Макса» и запер за собой дверь.

На первом этаже столы и стулья были сдвинуты к стенам, а по ковру толкала древний пылесос «Дайсон» одна из филиппинок – уборщиц Макса. Руди помахал ей и толкнул распашные двери на кухню.

Среди чистейших кафельных и стальных поверхностей стоял Макс с планшетом в руках, проверяя утреннюю поставку еды.

– Этот ублюдок Томек снова не довез свинину, – сказал он Руди.

– А где Мирек? – Мирек был сушефом Руди, очень редким гостем на кухне, которого Руди все собирался с духом уволить.

Макс пожал плечами. В отличие от матери, Макс терялся, когда речь заходила о персонале. В отсутствие Руди руководить кухней должен был Мирек, но Мирек был себе на уме – своевольный и ненадежный. Тоже, к сожалению, выдающийся повар, и клиенты Макса будут по нему скучать, в отличие от Руди.

– Я позвоню Томеку, – сказал Руди, сунув рюкзак под один из столов. У Томека тоже хватало проблем, в основном связанных с поставщиками, персоналом и откатами. У ресторанного бизнеса немало общего с международными отношениями: очень много дипломатии, и, к сожалению, чаще без галстуков. Он снял куртку. – Скучал?

– Было бы лучше, если бы ты не уезжал, – признался Макс.

– Значит, я заслужил прибавку?

Макс отмахнулся планшетом.

Руди повесил куртку в стенном шкафу и потер глаза. Это было абсурдно – страдать от джетлага после путешествия на такое маленькое расстояние.

– Я сам разберусь с Миреком.

– Вчера пришлось вызывать шефа из агентства, – сообщил ему Макс.

В мире Руди и Макса это было практически самым худшим, что только может произойти с рестораном. Руди подумал, как ему придется приводить в чувства команду, и спросил:

– Кого прислали?

– Павла Грабянского.

Не такая катастрофа, как можно было ожидать, хотя команда Руди должна была справляться и без него с Миреком. Ему казалось, он достаточно хорошо их организовал. Должна была сама собой произойти перетасовка иерархии. Кто-то сам принял бы руководство. Руди подумал, что ему придется кое на кого наорать, – а когда-то он зарекся делать это на своей кухне.

– Павел – неплохой повар, – сказал он неубедительно.

– Он просто все время такой несчастный, – ответил Макс. – Будто того и гляди расплачется.

– Мне это самому очень знакомо, – сказал Руди, забирая из покорных пальцев Макса планшет. Макс успел проверить только пару коробок из переработанного пластика, выставленных стопкой посреди кухни.

– У тебя усталый вид.

– Со всем разберусь и прикорну пару часов, ладно?

– Иди домой и выспись как следует, – ответил ему Макс. – Ради сегодняшнего обеда вызову повара из агентства.

– А вдруг опять пришлют Павла?

На лице Макса отразилась борьба чувств.

– Я переживу, – сказал Руди. Он сунул планшет под мышку и пошел налить себе чашку кофе из эспрессо-машины, которую вынудил Макса установить на кухне.

Максу, очевидно, стоило немалых усилий не спрашивать о том, что случилось в Гинденберге. Руди сказал сам:

– Я его видел.

– И как он выглядел?

– Было темно, его лицо скрывалось в тени, – Руди спросил себя, сколько еще они будут разыгрывать спектакль о «кузене» Макса. – Нужно поговорить с Дариушем, – добавил он.

– И тебе представится эта возможность, – произнес Дариуш, появившись из коридора, ведущего на двор за «Ресторацией Макса». – И наше волшебное

число?..

– Пятьдесят семь, – сказал Руди.

– Уверен? – спросил Дариуш.

– Пятьдесят семь, – повторил Руди.

– Ты очень хорошо поработал, – сказал Дариуш, развернулся и ушел обратно в коридор. Руди слышал, как открылась и закрылась дверь во двор. Они с Максом переглянулись.

– У него был здоровый вид? – спросил Макс.

Руди налил себе кофе.

– Я же сказал: было темно, – этого Максу, очевидно, было мало, так что Руди добавил: – Голос у него был здоровый.

Макс кивнул.

– Хорошо, – сказал он, чувствуя себя несколько неловко, как показалось Руди. Затем отвернулся и направился к дверям в обеденный зал. – Хорошо.

* * *

И на этом маленькое приключение Руди как будто закончилось. Макс о нем больше не вспоминал, а Дариуш не возвращался в ресторан. Словно ничего не случилось, словно он никогда не ездил поездом в Гинденберг. Он готовил, смотрел, как приходят на кухню сушефы и через несколько дней уходят, крича о минимальной зарплате и нечеловеческом режиме работы. Макс печально качал головой, и жизнь продолжалась.

Зябкая польская весна постепенно переходила в буйное, давящее польское лето. Кондиционер на кухне сломался, и кухонный персонал начал увядать, а в некоторых случаях и лишаться чувств. Краков запекался от жары. Город

наводнили туристы.

Однажды, оживленным июльским вечером, какой-то клиент спросил, может ли он передать комплимент шефу лично, и Руди вышел в ресторан.

Клиент был высоким тощим мужчиной с зализанными назад волосами и косматыми моржовыми усами, которые сегодня в Центральной Европе уже не встретишь. На нем был дорогой немецкий деловой костюм, а на его жене – ошеломительное лиловое вечернее платье с открытой спиной, оголенными плечами и почти всей грудью.

Руди сел и позволил мужу налить ему выпить и поздравить. Жена улыбнулась и сделала комплимент, похвалив за ужин, а потом наклонилась вперед похлопать его по колену и спросить рецепт бигоса, и он обнаружил, что видит ее под платьем насквозь – до самых лобковых волос.

Он отвернулся и заметил в одном из темных уголков ресторана Макса с другим мужчиной, вплотную друг к другу. Казалось, они ведут очень тихий и очень напряженный разговор. Он подумал, что в сложении этого мужчины и языке его тела было что-то знакомое. И тут же осознал, что они показались знакомыми потому, что только его сложение и язык тела он видел.

А затем Макс и мужчина обнялись. Обнялись, как давно не видевшиеся кузены.

* * *

Спустя несколько недель – и позже Руди думал, что это время ему дали на размышление, – Дариуш пришел в ресторан переговорить с ним.

– Я думал, тебе стоит знать, что кузен Макса тебе очень благодарен, – сказал маленький мафиозо.

– Макс об этом говорил, – сказал Руди.

Дауриш откинулся, закурил и оглядел ресторан.

– Ты бы хотел, – заговорил он, – такую работу?

– Моя работа – готовить еду, – ответил Руди.

Дариуш затянулся, подержал дым сигареты в легких дольше, чем, как казалось Руди, было разумно для здоровья или физически возможно, затем выдохнул разреженный душистый туман.

– Ты бы хотел такое хобби? – спросил он.

– Ладно, – сказал Руди. – Главное, чтобы за это хобби платили.

Ученик чародея

1

Вылетев из Лондона, Фабио опоздал на пятнадцать часов.

– Гребаные англичане, – сказал он, когда Руди наконец встретил его в аэропорту Краков-Балице имени Иоанна Павла II. – Тысячу лет мялись, вступать им в Союз или не вступать, а как вступили – стали настоящими фанатиками. Это даже оскорбительно. Вот, понесешь это.

Руди взял чемодан Фабио, который был гораздо тяжелее, чем казался, и последовал за маленьким итало-швейцарцем через зал прибытия.

По дороге от ворот прибытия до ряда такси снаружи стало понятно, что у англичан случился очередной приступ паранойи – наркотики, терроризм, иммунизация, что там еще, и Фабио задержали, конфисковав для проверки паспорт и выездные документы.

– В смысле, я могу понять, когда не пускают, – кипел он. – Но когда не выпускают? Кому такое в голову придет? – Он взглянул на пеструю шеренгу машин, выстроившихся у терминала, и покачал головой. – Нет, в эти такси я не сяду. В последний раз, когда я брал такси от этого аэропорта, с меня содрали кучу денег. Надо было лететь в Катовице, в Катовице с таксистами проблем никогда не бывает. Поедем в город на автобусе. Следуй за мной.

И Руди последовал.

– А пока я ждал, запихнули меня в какой-то мерзкий отель в Хитроу, – сказал ему Фабио.

* * *

Каждому ученику нужен учитель, говорил ему Дариуш, и учителем Руди будет Фабио. Низкорослый и пухлый, он был слишком хорошо одет, чтобы не нарваться на грабителей уже через пару минут после того, как ступал на любую улицу Западной Европы. На нем был новейший костюм от «Армани Возрождение», а туфли сшиты морщинистыми ремесленниками Кордовы. Его багаж стоил больше, чем квартира в центре Кракова. Руди казалось, что это самый не скрытный человек из всех, кого он встречал. Он считал чудом, что английские власти сперва не арестовали Фабио, а потом просто не придумали, в каком преступлении его обвинить, – такой он был очевидной карикатурой на biznisman из Центральной Европы.

Фабио был невысокого мнения о краковских отелях. «Краковия» ему не угодила. Он отказался даже переступать порог «Европы». Старшего повара «Бристоля» назвал осужденным отравителем. В итоге он остался ночевать в квартире Руди.

– Забудь этот сраный идеализм Шенгена, – говорил он в первый вечер, после того как вмиг смел ужин, который приготовил для него Руди. – Люди в этом бизнесе заботятся только о двух вещах. Деньги и престиж. Деньги зарабатываешь тем, что делаешь свою работу, а престиж – тем, что безумно рискуешь, – он выпил вино залпом и поморщился. – Какая мерзость.

– Это «Мутон Ротшильд» 41-го года, – сказал Руди.

– 41-й, – сказал Фабио, прищурившись на бокал так, словно тот сделал ему что-то плохое. – Отвратительный год.

– Это винтажный год.

– Не для меня. У тебя больше ничего нет выпить? И стейк ты пережарил.

* * *

Они называли себя Les Coureurs des Bois[1 - Лесные курьеры (фр.) – так называли франко-канадских торговцев, которые путешествовали в отдаленные части Северной Америки для торговли с индейцами (прим. пер.).], и они доставляли почту.

Еще до того, как Европа расцвела новыми странами, существовал здоровый курьерский бизнес – иногда законный, по большей части – нет. Некоторые вещи были слишком уязвимыми, важными или попросту нелегальными, чтобы доверять их общественной почте или электронной связи. В те дни ловкий курьер мог задешево слетать куда угодно на Земле, если правильно выбирал задание.

В эти дни все стало сложнее. Пограничные споры часто означали, что доставить почту из политии А в страну Б невозможно. И люди обращались к Les Coureurs, и почта доходила. Иногда посылкой считались люди, для которых иначе переход из политии А в страну Б был бы до невозможности затруднителен. Иногда – предметы, которые в стране Б, в силу узости мышления, считались незаконными.

Другими словами, курьеры были контрабандистами, хотя, когда Руди озвучил это мнение, Фабио отметил, что, как и во многих других случаях, понимание этого термина сильно зависит от точки зрения.

Никто не знал, кем они были. Бытовало расхожее мнение, что это веяние времени, постепенное накопление маленьких отдельных курьерских фирм до появления единой структуры, у которой будет много общего с ЦРУ и госпочтой. С ними связывались так же, как вступали в первый неловкий контакт с наркодилером: когда знаешь человека, который знает другого человека.

Руди казалось, что СМИ раздули этот феномен до неприличия. Они были обычными курьерами; люди доставляли посылки по всей Европе как минимум начиная со Средних веков, а контрабанду – значительно дольше. Еще они были, если судить по Фабио, ужасными гостями. Среди множества прочих личных причуд у Фабио имелся пунктик насчет перестановки мебели. Каждый вечер, когда Руди возвращался в квартиру, он обнаруживал мебель расставленной по-новому, а Фабио стоял посреди гостиной и окидывал ее взглядом. Сперва ему казалось, что маленький толстый Курьер практиковал какую-то необычную швейцарскую форму фэншуя, но через неделю он начал подумывать, что Фабио малость чокнутый.

Они снова и снова обсуждали поездку Руди в Гинденберг, уделяя непомерное внимание каждой детали. Что он запомнил, с кем говорил, где был, что заметил в людях, с которыми общался, – от пограничных чиновников до таксиста в Бреслау и официанта, который подавал завтрак в пансионе «Адлер» на следующее утро.

– Ты все организовал очень просто, это хорошо, – говорил Фабио. – Просто – это часто самое лучшее, хотя и не всегда. Иногда необходимо обставить все как можно изощреннее. А иногда приходится просто импровизировать. – Он отпил из чашки и скривился. – И как это называется?

Руди посмотрел на чашку.

– Кофе, – сказал он.

Фабио вернул чашку на блюдечко.

– Там, откуда я родом, это называют по-другому.

– Ты пил такой же всю неделю.

Фабио покачал головой.

– Не переношу эту континентальную обжарку. Что это вообще значит – континентальная обжарка?

Руди поднялся.

– Мне нужно подышать свежим воздухом.

* * *

– Он очень хорош, – промурлыкал Дариуш.

– Он сводит меня с ума, – ответил Руди. Дариуш закурил.

– Что именно тебя беспокоит?

– Ты никуда не торопишься?

Дариуш усмехнулся.

Руди вздохнул. Они были «У пани Галины» на Сенаторской. Поскольку Руди знал шефа «Галины» и поскольку Дариуш был Дариушем, их препроводили к одному из частных столиков ресторана, вдали от толпы обедающих студентов, туристов и безработных актеров.

– Что ни приготовлю – ему никак не угодишь, – сказал он. Дариуш добродушно хмыкнул.

– Думаю, тебя не удивит, что у каждого свои вкусы в еде, Руди.

– Там, откуда я родом, критиковать угощение хозяина – дурной тон.

– Возможно, в Швейцарии все иначе, – маленький мафиозо пожал плечами. – Не знаю, никогда там не был. Дальше?

– Он переставляет мою мебель.

Дариуш посмотрел на него и сузил глаза. Затем опять пожал плечами.

– Фабио привык к жизни в движении, а не взаперти в твоей квартире. Похоже, ему не сидится на месте.

– Не сидится на месте?

– Слушай, – Дариуш отмахнулся от дурных предчувствий Руди. – Он приехал учить тебя. Он… твой Мерлин, а ты Артур. Он Оби-Ван, а ты Энакин. Будем терпимы к капризам гениев.

– И будем разрешать им переставлять нашу мебель?

– Если им так нравится, пусть переставляют.

– Дариуш, с ним что-то не так.

Дариуш покачал головой.

– Будь к нему терпим, Руди. Слушай и учись.

* * *

По мнению Руди, тот, кто организовал Курьеров, страдал от передоза шпионской литературой конца двадцатого века. Профессиональный жаргон Курьеров в пересказе Фабио казался взятым целиком из романа Джона Ле Карре. Легенды – это вымышленные личности. Стрингеры – это не персонал Курьеров или Курьеры начальных уровней, выполняющие мелкую работу, вроде разведки на месте или поддержания легенд. Пианисты – это хакеры, портные – те, кто осуществляет техническую поддержку, сапожники – те, кто подделывает документы. Руди знал, что эти эвфемизмы ходили в шпионских кругах еще с 1930-х. Все это казалось ему нелепым.

Поручение, связанное с кузеном Макса, было испытанием, теперь это стало очевидно. Как объяснил Дариуш, кузен Макса уже выходил раньше на контакт с Курьерами и получил список вариантов побега из Гинденберга. Руди лишь передал им его выбор. Это мог сделать любой стрингер; кузен Макса из-за проблем с почтой, глушения телефонов и радио и перехвата имейлов мог послать хоть дымовой сигнал. Но прежде всего это была проверка выдержки,

проверка того, как Руди решит поставленную задачу.

Похоже, испытание он прошел. И его наградой стал Фабио.

– Нельзя недооценивать стрингера, – говорил ему Фабио. – Возьмем типичного стрингера – назовем его Ральф. Ральф работает в гастрономии в Лозанне. У него есть жена по имени Шанталь, дети, возможно, собака. Большую часть времени он живет обычной жизнью. Ненавидит начальника. Трахает жену. Играет с детьми. Выгуливает собаку.

– Возможно, – сказал Руди.

– Ты перебиваешь, – предупредил Фабио.

– Ты сам сказал: «возможно, собака», – после двух месяцев рядом с Фабио Руди научился находить лазейки, чтобы получать удовольствие, общаясь с ним. – А теперь рассказываешь, что он ее выгуливает.

Фабио прищурился.

– Просто хотел понять, есть собака или нет, – добавил Руди.

Фабио нахмурился.

– Это важные детали, – сказал Руди. – Ты и сам согласишься.

Фабио посмотрел на него еще миг, потом отвернулся и уставился в пространство.

– Но время от времени Ральфа просят выполнять более специализированную работу, – продолжал он. – Его просят продлить паспорт на фальшивое имя, получить парковочный талон, снять квартиру в Женеве. Все это поможет построить легенду. И Ральф знает все детали таких транзакций. Бесценные оперативные данные. Если Ральф попадет в руки не тех людей и расскажет все, что знает, эта информация может обрушить множество разнообразных Ситуаций.

Это не просто жаргон, подумал Руди. Если судить по Фабио, Les Coureurs действительно считали себя чем-то вроде шпионского агентства. Плащ и кинжал, ночные улицы Центральной Европы, одноразовые явки, все такое. Он задумался, не стоит ли еще раз вызвать Дариуша на тихий разговор.

Фабио прямо посмотрел на него.

– Теперь можешь приготовить мне ужин, – сказал он. – А потом у меня будет для тебя домашнее задание. И даже не думай подавать отвратительное жаркое из требухи, как вчера, – мой пищевод до сих пор не восстановился.

* * *

«Домашним заданием» оказался бесконечный маршрут по бюрократическим кабинетам. Здесь подписать договор об аренде, там подать на водительские права – все под разными именами. Он должен был купить машину, продлить паспорт, съездить на поезде в Сосновец и вернуться с корешками билетов, открыть банковский счет на имя Антона Блюма, позвонить человеку по фамилии Грудзинский и пожаловаться на мусородробилку в квартире. Все это те мелкие следы, которые каждый день оставляет любой человек, даже не задумываясь о них. И вот однажды, уже сбиваясь с ног и не получая особенного удовольствия от увлекательной жизни стрингера, он подумал, что понял смысл истории Фабио о Ральфе и его гипотетической собаке. Теоретически он мог провалить полдюжины разных Ситуаций. Если бы хотя бы отдаленно представлял, чем занимается. И для кого. И зачем.

– Я думаю, ты можешь бросить в любой момент, если захочешь, – сказал ему Макс, хотя на самом деле на его языке это означало: «Ты тратишь слишком много времени на свое курьерство, а я трачу слишком много денег на шефов из агентства».

– Это ненадолго, – ответил Руди. – Дариуш говорит, как только Фабио со мной закончит, я могу не понадобиться лет десять.

Макс фыркнул.

– Значит, Европа просто кишит Курьерами.

У Руди сложилось впечатление, что Макс каким-то образом участвует – или когда-то раньше участвовал – в работе «Курьер Централь», но спрашивать об этом ему всегда казалось неделикатным.

– Как думаешь, сколько их? Просто интересно, – спросил он. Макс рассмеялся.

– По моему опыту? Ты да Фабио. – Предыдущим вечером Руди приводил Фабио в ресторан. Не самый приятный вечер для всех присутствующих.

– Значит, я буду занят.

– Похоже на то, – вздохнул Макс.

2

Снова «домашнее задание». Телефонные звонки, заявления на паспорта, собеседования на работу. Однажды он целое утро провел в очень неопрятной квартире в Сосновце. В конце концов пришел полицейский и записал подробности ограбления, которое якобы произошло в квартире. Руди передал полицейскому опись пропавшего имущества. Полицейский ушел.

Руди пришло в голову, что, хотя он явно приобщался к работе стрингера, Централь заодно окупал свои услуги по обучению. Он потерял счет, сколько легенд успел помочь построить. Он открывал банковские счета. Снимал офис в Забже. Фабио вручил ему тощий дипломат и велел поместить в ячейку в хранилище банка в Катовице.

Выполняя эти задания, он учился ремеслу. И оно оказалось разочаровывающе рутинным. Закладки, тайные передачи на публике, способы сбросить хвост, способы сесть на хвост. Прямиком из Дейтона или Фюрста. Почти как в комиксах. Руди сомневался, что даже секретные службы этим еще занимаются.

С помощью карт Фабио заставлял его планировать скачки из полудюжины польских городов, щедро добавляя в каждый запасные пути отхода. Затем

Фабио высоким дерзким голосом разносил в пух и прах каждый план, один за другим: «Ты что, ничему не научился? Ты меня вообще слушаешь?»

Со временем Фабио начал исчезать на целые дни. Утром Руди просыпался – и в его жизни оказывалась дыра в форме Фабио. Ни жалоб на еду, ни перестановок мебели. Когда это произошло впервые, он подумал, что Курьер просто махнул на него рукой и отправился домой, но через день-другой Фабио вернулся, рассыпая неприличные замечания о поляках и бросая вызов Руди, чтобы тот приготовил ужин, который ему действительно понравится. Через нерегулярные промежутки времени следовали новые исчезновения.

Они на день уезжали в соседние города и села, и от Руди требовалось с ходу импровизировать скачок из вот этого здания почты или вон того полицейского участка. Затем Фабио разносил каждый.

– Очень весело, – устало признался Руди по пути домой после одной из поездок, – но у меня и настоящая работа есть, между прочим.

– Ну конечно, – ответил Фабио. – И ты можешь вернуться к ней в любое время. А я отправлюсь куда-нибудь еще, – он радужно улыбнулся. – Возможно, хотя бы там будет приличная еда. Что думаешь?

«Иди в жопу, Фабио», – вот что все чаще и чаще думал Руди.

– Я думаю, придется тебе потерпеть меня еще, – сказал он.

Фабио вздохнул.

– Ну конечно. Этого я и боялся.

* * *

Однажды вечером, десять недель спустя после начала обучения, Руди проснулся со странной мыслью, что в его спальне кто-то есть. Он перекатился на бок, открыл глаза и увидел у кровати Фабио.

– Одевайся, – сказал маленький Курьер. – Мы отправляемся на тренировку.

Руди посмотрел на часы.

– Сейчас три утра.

– Значит, надо было раньше ложиться, – отрезал Фабио.

– А нельзя завтра? Или в пятницу? В пятницу как-то лучше, – ответил Руди, который обещал Максу, что сегодня наверстает за все, что пропустил, так редко появляясь на работе.

Фабио отвернулся и направился к двери.

– Хочешь дальше быть поваром – пожалуйста, – пробормотал он. – Я соберусь, отвезешь меня в аэропорт, и я наконец уеду из этого вонючего городишки.

Руди почувствовал внутри тот же дух протеста, который раззадорила в нем пани Стася. Он встал с кровати и натянул джинсы и футболку.

– Я шеф, нелепый ты засранец! – крикнул он.

У двери Фабио обернулся и посмотрел на Руди. В спальне было темно, и маленький швейцарец стал силуэтом в свете из коридора, так что Руди не видел выражения его лица.

– И это город, – закончил Руди тише. – Не городишко.

Фабио отвернулся и ушел в гостиную.

– Город, городишко, – сказал он. – Какая разница.

* * *

Когда они дошли до конца улицы, Фабио достал ключи к припаркованному «лексусу». С ним был его чемодан на колесах. Он положил его в багажник и сказал Руди ехать в Ченстохову.

В Ченстохове Фабио велел Руди припарковать «лексус» возле вокзала. Он достал чемодан, и они прошли еще минут сорок, после чего Фабио остановился у припаркованного «мерседеса», извлек связку ключей и произнес:

– Садись. Поведу я.

– Мы далеко? – спросил Руди. Фабио фыркнул.

– Тебе-то что, шеф?

Они переглянулись через крышу машины.

– Может, я тогда высплюсь, – сказал Руди.

– Может, и правда так лучше, – Фабио отпер водительскую дверь. – Садись.

* * *

На заброшенной ферме за городом они снова сменили машины. На сей раз – помятого вида «симка» с водородным двигателем. Фабио долго не выруливал на главную дорогу, и еще дольше они возвращались в Ченстохову, а там минут сорок кружили по городу. Руди задремал, а когда открыл глаза, они снова были на шоссе, и он не представлял, куда они направляются.

Ехали они не один час. Дороги были в ужасном состоянии – многие из них укладывали еще немцы-завоеватели в 1940-х; километр за километром – ухабы, ямы и рытвины. В Польше никогда не было денег на гражданское строительство – по крайней мере, не в том масштабе, чтобы поднять страну до уровня, скажем, Великой Германии, где дороги славились едва ли не сексуальной гладкостью. Гинденберг, который существовал всего десятилетие, по сравнению с Польшей казался западноевропейской страной.

Во многом это было связано с упрямым нежеланием Польши выходить из ЕС. Они так долго ждали, пока их возьмут, думал Руди, что теперь решили, что их ничто оттуда не выковырнет. Польша покинет ЕС только ногами вперед, так что страну постоянно изводили требованиями субсидий и повышения тарифов, а также втягивали во все торговые войны, которые ЕС как будто вознамерился устраивать с чем угодно, имеющим хоть какого-то правителя.

– Поляки, – пробормотал Фабио, когда Руди упомянул об этом в попытке завести разговор. – Кто их разберет?

– Очень мудро, Оби-Ван, – сказал Руди. Фабио бросил на него взгляд.

– Что?

В конце концов Руди задремал. Фабио отказывался говорить, куда они направляются, так что было бессмысленно предлагать подменить его за рулем. Мимо мелькали города и деревни, лужи света в великой тьме. Половина дорожных знаков в фарах «симки» выглядела как слепые розовые прямоугольники, а трава и асфальт под ними были забрызганы розовой краской.

– Armia Rozowych Pilotow, – сказал Руди, когда Фабио пожаловался на розовые знаки.

– Это что еще за хрень? – Фабио плохо знал польский, так что они говорили на английском.

– «Армия розовых пилотов». Я думал, это только варшавская мода.

– Какие-то защитники прав гомосексуалистов?

Руди рассмеялся. «Розовый пилот» был настоящей доморощенной польской легендой, занимавшей место где-то между Сикорским и Яном Собеским.

– Дворец культуры, – сказал он. Фабио нахмурился, а он пояснил: – В Варшаве. Дворец культуры. Подарок от Сталина и рабочих Советского Союза рабочим Польши. Одно из самых уродливых зданий в Европе.

Фабио фыркнул, словно имея в виду, что Европа изобилует зданиями, которые оскорбляют его эстетический вкус.

Говорили: все, что есть хорошего в варшавском Дворце культуры, – это то, что его видно отовсюду. Конечно, это было и самое худшее, но хотя бы помогало не заблудиться. После Падения начались активные дискуссии на тему, что делать с этим оскорбительно сталинским монолитом, которые, как и большинство польских дискуссий, так ни к чему и не привели.

А потом однажды ночью в небе раздался рокот двигателей, над центром Варшавы расплылись миазмы паров краски, а когда город наутро проснулся, он обнаружил, что Дворец культуры сменил имидж.

А в это время на южной окраине города посреди поля стоял вертолет Ми, переоборудованный для орошения полей, и из его разбрызгивателей на траву все еще сочилась ярко-розовая краска, а через поле уходила от него дорожка розовых следов, все слабее и слабее, – «Розовый пилот» ушел в легенды.

По извечной традиции в парламенте швырялись злыми обвинениями. Полетели головы – в основном среди воздушных диспетчеров, которые не заметили полет «Розового пилота».

Варшавяне, с другой стороны, полюбили новую окраску дворца. Они говорили, что теперь эта хрень так бросается в глаза, что они ее больше и не замечают, и когда спустя несколько недель правительство предприняло попытку отмыть здание, поднялся маленький бунт.

Все это случилось примерно за год до приезда Руди в Краков, и он еще не побывал в Варшаве, но видел здание время от времени в новостных сюжетах: где бы в городе ни снимали, розовый дворец лез в кадр, как наглый пьяный гость на свадебном торжестве. Руди от его вида было не по себе, настолько он казался пошлым.

– Вот видишь – поляки, – сказал Фабио, когда Руди закончил рассказывать. – Ни хрена невозможно предсказать, что они натворят. А теперь их целая армия.

– Ну, никто не говорит, что это сам «Розовый пилот» красит дорожные знаки, – сказал Руди. – Просто люди следуют его примеру.

– И этого розового ублюдка так никто и не поймал.

– Нет, – признал Руди, – этого «розового» ублюдка так никто и не поймал.

– Ну теперь ты понимаешь, – сказал Фабио, подняв палец.

– Что понимаю? – озадаченно переспросил Руди.

– Наверняка он и раскрашивает дорожные знаки. Тот, кто готов покрасить в розовый цвет целое здание, почти наверняка захочет это повторить.

Руди уставился на него.

Кем бы ни были АРП и откуда бы они ни взялись, очевидно, что на этом участке дороги они были особенно активны. Покрашено оказалось большинство знаков, мимо которых проезжала машина. Это наверняка вызывало проблемы у водителей, искавших указатели, но Фабио ни разу не засомневался в выборе дороги.

Наконец встало солнце. Руди, задремавший снова, открыл глаза навстречу туманному свету зари и, даже не задумываясь, сориентировался в пространстве по сторонам света.

– Где мы? – спросил он, пытаясь потянуться.

– Не знаю, – сказал Фабио. – Только знаю, куда мы едем.

– Отлично, – пробормотал Руди. – Спасибо, Фабио.

Как оказалось, на рассвете они миновали участок, на котором работала АРП, и выехали к нетронутым дорожным знакам. Руди быстро сообразил, куда они направляются, и примерно через час они прибыли в Познань.

– Мог бы и сказать, куда мы едем, – сказал Руди, пока они пробирались к центру города.

– Мог бы, – согласился Фабио. – Но таков наш удел – жить, почти ничего не зная. Чем раньше ты это запомнишь, тем лучше.

Руди посмотрел на него.

– Это что, шутка?

– Через два с половиной месяца твоей стряпни, – сказал Фабио, – у любого будет мрачное чувство юмора.

* * *

Руди никогда не был в Познани, но Михаль, метрдотель Макса, родился в деревне недалеко от этого города и сонными вечерами в припадке ностальгии пересказывал вынужденным его выслушивать краковцам, силезцам, курдам, косоварам и эстонцам истории о родном городе, так что Руди знал, что Рыночная площадь Познани уступает только краковской, а сам город долгое время был прусским и назывался Позен. Он знал, что там, наряду с другими давними королями и королевами, похоронен Мешко I, покоритель Силезии и Малопольского воеводства и первый исторический правитель Польши. Он знал, что там же находится самый древний собор в Польше, – и знал людей в Кракове, которых это все еще коробило. Он знал, что название города могло произойти от чьего-то имени – «город Познаня», а могло быть искажением польского глагола poznac – «познать». Он знал, что за свою историю город сменил много странных названий. Он знал, что через него проходит Линия. И он никогда о нем не задумывался.

Фабио припарковал «симку» на офисной парковке у центра города, и они отправились в маленькую гостиницу недалеко от Рыночной площади. Для них были зарезервированы соседние комнаты. Руди потратил на знакомство со своей примерно тридцать секунд, после чего рухнул ничком на кровать.

Тем же вечером, в семь часов, Фабио постучал к нему в дверь, чтобы позвать на ужин в маленький ресторан гостиницы. Давным-давно в ресторанах было принято указывать наверху меню категорию. «Кат. 1» или «кат. 2» – самые люксовые, а «кат. 4» – самая дешевая, ее обычно советовали избегать туристу, если только он не хотел испытать судьбу.

Но два поколения западных ресторанных критиков привнесли свои перемены. В эти дни Польша была усеяна звездами Мишлен и рекомендациями от Les Routiers и AA. Так что Руди прочел на меню надпись «кат. 3» с упавшим сердцем. Ради эксперимента он заказал котлету шабови с картофельными пляцками и, к своей радости и удивлению, обнаружил, что еда приготовлена профессионально, да и подача привлекательная. Возможно, «кат. 3» была лишь изюминкой для туристов.

– И почему ты так не готовишь? – спросил Фабио, с энтузиазмом вгрызаясь в голубцы.

– Если бы я знал, что ты любишь фаршированную капусту, то готовил бы, – ответил Руди.

Фабио показал вилкой.

– А у тебя что?

– Свиная котлета с картофельными оладьями, – опустил глаза на тарелку Руди.

– Вкусно?

– В соусе перестарались с паприкой.

– Ненавижу шефов, – сказал Фабио, набивая рот голубцами.

– Знаю.

– Изнеженные примадонны, – Фабио постучал по столу рукояткой ножа. – Любой недоумок может следовать указаниям в поваренной книге и приготовить не хуже этого.

– А может он делать это вечер за вечером в ресторане на семьдесят столов?

Фабио отпил вина.

– Дело в правильном планировании, правильно? Любой дурак справится.

Руди потыкал вилкой в салат.

– Мне можно узнать, в чем заключается наша тренировка? – спросил он.

– Мы будем извлекать Посылку из консульства Линии, – сказал Фабио, не прекращая своих любовных отношений с ресторанной едой. – С чего бы ты начал?

– Понятия не имею.

– Ну, к счастью, это такая тренировка, когда подмастерью нужно только смотреть и учиться. А вино очень хорошее. Это что?

Руди заглянул в меню.

– Домашнее красное.

– Правда? Ты поговори со здешним персоналом – ну знаешь, как коллега с коллегами. Может, добудешь нам пару бутылок на обратную дорогу. Намного лучше, чем моча, которую подаешь ты.

* * *

Трансъевропейский железнодорожный маршрут был последним великим гражданским инженерным проектом европейской эры – непрерывный путь от Лиссабона до Чукотки на Дальнем Востоке с ответвлениями, охватывающими все европейские столицы.

Так, по крайней мере, планировалось. Когда дело дошло до самого строительства, различные национальные правительства годами собачились из-за финансирования, вагонного парка, ширины колеи, формы персонала. Трансъевропейская железнодорожная компания стала микрокосмом все более раздробленного Европейского парламента, вкупе с голосованием, вето, лоббированием, коррупцией и всеми прочими развлечениями, которые так любит демократия. Компания четырежды балансировала на краю банкротства, прежде чем уложили хотя бы метр путей или заказали хотя бы один локомотив, и каждый раз возрождалась. Ходили слухи об участии мафии, фашистов, коммунистов, о расследованиях, комиссиях, допросах, увольнениях, самоубийствах, убийствах и похищениях.

В конце концов – к удивлению многих наблюдателей – Компания начала строительство железной дороги в Португалии. Маршрут планировалось прокладывать с обеих сторон, начиная с Лиссабона и Чукотки и двигаясь к месту встречи где-то в районе украино-польской границы, но из-за непонятных проблем работы в Сибири остановились на неопределенное время, которое в итоге стало вечным.

Так что год за годом Линия ползла по лику Европы, а тем временем Европа вокруг разваливалась. ЕС распался, а Линия продолжалась. Европейская экономика схлопнулась, а Линия продолжалась. Появились первые политии, а Линия продолжалась, и Компания вела переговоры о праве на транзит везде, где пересекала новые суверенные территории. Она казалась бессмертной. Когда она достигла франко-германской границы, она уже словно набрала какую-то непонятную инерцию, что влекла ее на восток через все препоны. Теперь уже никто не знал, откуда берутся деньги на строительство Линии; они стекались через дельту многорукавной реки офшорных фондов, компаний и частных инвесторов, и, хотя от национальных веток давно отказались, никто не понимал, почему весь этот проект не зачах.

Через девять лет Линия достигла украинской границы, где когда-то должна была встретиться с восточной родственницей. По этому случаю провели короткую церемонию, а затем Линия покатила дальше, терпеливая, обязательная, неудержимая. Она шла через войны, пограничные споры, засухи и военные операции, холмами и долинами, через леса и реки, вокруг озер и под горами. Она пережила сианьский грипп. Она казалась необъяснимой, бесцельной.

Компания пережила семьдесят двух председателей и три полных состава голосующих членов. Она породила почти такую же огромную и неповоротливую бюрократию, как та, что когда-то руководила ЕС. Поистине колоссальные суммы исчезали, находились вновь, снова исчезали.

Наконец Линия достигла Чукотского полуострова во время метели библейского масштаба. Самые ироничные комментаторы предполагали, что следующим очевидным шагом станет прокладка туннеля к Аляске.

Но Компания запустила только один сорокавагонный Трансъевропейский экспресс – поездка в честь открытия от Португалии до Сибири и обратно для прессы, лидеров государств и политий, через которые проходила Линия, и каких-то неприметных личностей, присутствие которых никто не объяснял. Затем она объявила себя суверенной территорией и даровала гражданство всем своим работникам.

Вполне возможно, это с самого начала и было целью всего предприятия.

* * *

Говорили, чем больше у народа станций Линии, тем она важнее. Чушь, конечно, но поляков раздражало, что, хотя Линия пересекала их страну с запада на восток, на ее территории находилась только одна станция. У большинства стран их было две или три; даже у некоторых политий было две.

Польское правительство делало вид, что не замечает этого очевидно просчитанного афронта. Конечно, когда польское правительство делает вид, что чего-то не замечает, это сопровождается вотумами недоверия, а если они не помогают, то ведет к массовым отставкам. А если не помогает и это, схлопывается все правительство. Премьер-министр пытается уйти в отставку, сейм отказывается ее принять, какое-то время все так и ползет своим чередом, потом следующие выборы выигрывают коммунисты – извините, социал-демократы. Так продолжалось десятилетиями. Поляки давно перестали удивляться процессу, хотя он всегда сопровождался потрясающими публикациями в журналах вроде «Тайм»/«Стоун».

Не менее очевидным афронтом было и то, что единственное польское консульство Линии даже не располагалось в столице. Познань очень гордилась своим консульством. Город многие века был главным бастионом на западной границе Польши, и через него уже проходила железнодорожная линия Париж – Берлин – Москва. Познаньцам казалось вполне логичным, что здесь же место и Линии, и они с энтузиазмом согласились на снос большого количества недвижимости, чтобы уступить дорогу ветке.

Это так разъярило правительство, что поговаривали даже об отделении Познани от Польской Республики и создании новой политии, но в какой-то момент вмешались холодные головы и решили, что все же предпочтительнее иметь консульство Линии во все еще польской Познани и лучше высасывать неизбежные финансовые прибыли ради общего блага, поэтому министры центрального правительства часто пытались умаслить горожан. Но момент был довольно опасный, и до сих пор можно было купить футболку или магнитик на холодильник с логотипом Независимой Республики Познани, который придумала какая-то рекламная компания из Люксембурга. Просто небольшое напоминание центральному правительству о том, что стоит на кону.

* * *

– Что ты видишь? – спросил Фабио.

Руди огляделся.

– Деревья, – ответил он. Показал пальцем. – А, и еще озеро.

Фабио бросил на него взгляд и поднял брови.

– Что ты видишь? – повторил он.

Хотя по внешнему виду Фабио сказать было нельзя, Руди все сильнее подозревал, что тот страдает от похмелья. Вчера во время ужина он так увлекся вином, что заказал еще пару бутылок, и в последний раз Руди видел Фабио, когда тот плелся к лифту с бутылкой в каждой руке. Утром он не появился за завтраком, а аккуратный вопрос администратору гостиницы прояснил, что джентльмен из номера 302 оставил прошлым вечером на двери табличку с

просьбой подать завтрак в номер. К которому он почти не притронулся.

Руди как раз обедал, когда Фабио наконец явился, войдя в столовую с блестящим от недавнего бритья лицом, причесанными волосами, в свежей рубашке, костюме и галстуке, в начищенных туфлях. Но обедать он не сел. Только встал у стола и сообщил Руди, что они отправляются на прогулку.

Прогулялись они на самом деле до ближайшей остановки и там сели на трамвай. Сошли через дюжину остановок, прошлись к стоявшим в ряд такси и взяли машину. Такси провезло их около километра, затем Фабио заплатил водителю, они вышли и сели на автобус. Когда они сошли с автобуса у ворот в парк, Руди уже совершенно заблудился. Они еще с полчаса бродили по парку, а затем Фабио стал приставать с расспросами, что Руди видит.

Руди к этому времени был уже сыт по горло.

– Мне, между прочим, очень понравился обед, – сказал он.

– Что ты видишь? – в третий раз спросил Фабио.

Руди вздохнул и снова огляделся. Деревья, да. Озеро, да. Люди гуляют. Он наклонил голову набок. На другой стороне маленького парка, между деревьями, он разглядел матово-серый блеск мелкоячеистой металлической сетки.

– Забор, – сказал он.

Фабио фыркнул и направился к забору.

– Пошли.

Забор был десять метров высотой и определял границы парка. В одну сторону он вскоре сворачивал и терялся из виду, в другую – шел прямо, удаляясь в бесконечность. За ним раскинулось открытое пространство метров сто в длину, а дальше – очередной забор. Глядя через обе сетки, Руди мог разглядеть только смутные силуэты, но над дальним забором высились погрузочные механизмы на длинных ногах. Товарная станция.

– Линия проходит в десяти километрах к югу от Познани, – говорил Фабио тихо, пока они шли вдоль забора. – Ее никак не могли провести прямо через город. Пришлось бы раздолбать его целиком. Им и так пришлось снести немало зданий, чтобы проложить ветку. Она отходит от Линии сразу после Варты и кончается прямо здесь… – небрежно кивнул он туда, где ограда сворачивала к городу. – Здесь две колеи с заборами по бокам. Снаружи расчищенная полоса, которую постоянно патрулируют и контролируют. Она оснащена сенсорами и, если байки не врут, противопехотными устройствами. Снаружи еще один забор… – Он хлопнул ладонью по ограждению, мимо которого они шли. – «Умная» проволока. Пассивные устройства наблюдения. Все это тянется на пятьсот с лишним метров. – Он отряхнул ладони, словно от грязной сетки, и свернул в сторону, а Руди за ним еле поспевал. – Как проникнешь внутрь?

Руди задумался. Внешний забор, который фиксирует, когда его пытаются перелезть или прорезать. Затем стометровая перебежка, по сути, через полосу смерти без прикрытия, только чтобы оказаться перед новым забором.

– Никак, – сказал он. – Только если смогу отключить заборы и камеры, а еще буду знать, какая охрана на той стороне. И даже тогда – никак.

Фабио согласно кивнул.

Руди посмотрел на него.

Фабио взглянул туда, где забор сворачивал.

– Через километр отсюда заборы расходятся, а затем снова сходятся, описывая фигуру в форме капли, в самом широком месте достигающую двух километров. Там находятся сортировочные станции и дипломатический центр. Там пункт пропуска на границе Линии и Польши, – он опустил руку в карман пиджака и достал пластиковую карточку, зажав ее между пальцев. – И вот почему у тебя паспорт с рабочей визой Линии.

Руди взял карточку. Сверху на ней была его фотография, но чужое имя.

– Не помню, чтобы меня снимали, – сказал он.

– Мм, – ответил Фабио.

– Ты что, фотографировал меня и ничего мне не сказал? – спросил он, разозлившись.

– Тебе нужно только держать ухо востро, – сказал Фабио. – Уж с этим ты справишься?

Руди снова посмотрел на карточку.

– Я на ней выгляжу как дебил.

– Сходство поразительное, действительно, – пробормотал Фабио.

Руди убрал карточку в нагрудный карман джинсовой куртки.

– Итак. Когда мы отправляемся? – спросил он. А затем заметил, что Фабио несет тяжелый дипломат. Из гостиницы он вышел без него, и пару мгновений назад, когда он хлопнул по забору, его не было. Руди огляделся, пытаясь понять, кто из прогуливающихся в парке передал его Фабио. Он не видел момент передачи, даже не помнил, чтобы кто-то приближался к ним ближе чем на пять метров. Все произошло как по волшебству.

– О нет, – простонал он.

* * *

– Меня зовут Раушинг, – сказал Фабио, беззаботно болтая дипломатом, пока они приближались к границе. – Зови меня «герр Раушинг». Ты мой личный помощник.

– У меня не подходящая одежда, – проворчал все еще раздраженный Руди.
Фабио пожал плечами.

– Сегодня суббота. Когда я тебя срочно вызвал, ты отправлялся на футбол. Ходил за покупками с невестой. Возможно, выгуливал собаку. Если кто-нибудь спросит – придумай что-нибудь, мне все равно.

– У нас получилось бы лучше, если бы было время отрепетировать, – сказал Руди.

– Разве можно отрепетировать жизнь?

– У нас есть легенды?

– Ну, у меня точно есть.

Руди поборол порыв остановиться и заорать во весь голос – это явно заметили бы камеры, установленные вдоль пограничного пункта Линии.

– Ты с ума сошел? – спросил он тихо. Фабио вздохнул.

– Когда тебя грабят и забирают все деньги, у тебя есть шанс на репетицию? – спросил он. – Когда твоя любимая попадает под трамвай, у тебя есть шанс на репетицию? Нет. Когда ты сидишь в какой-нибудь отвратительной карманной стране и с Ситуацией что-то космологически идет не так, есть у тебя шанс на репетицию? Нет.

– Я как минимум заранее продумаю все варианты.

Фабио с презрением фыркнул.

– Никогда нельзя продумать все варианты. Их просто слишком много. Ты свихнешься, пытаясь вместить их все в голову. Иногда единственное, что остается, – импровизировать.

– Это испытание? – помрачнел Руди.

Фабио пожал плечами.

– Конечно. Почему бы и нет? – он наклонил голову и критически взглянул на Руди. – Я рассказал тебе о нашем деле все, что знаю. Научил ли я тебя хоть чему-то – на это я ответить не могу. Наверное, нет. Но сейчас я отправляюсь за забор, и ты мне нужен рядом, и ты мне нужен в лучшей форме, какой бы никчемной она ни была. Пойдешь ты со мной или вернешься к жизни повара – сейчас я

отправляюсь за забор.

Руди посмотрел на маленького швейцарца и попытался вспомнить момент, в который его жизнь лишилась всякой логики.

– Я же тебе говорил, – наконец сказал он. – Я шеф.

Пограничный пост оказался безликим кирпичным кубом, встроенным в сетку забора. Простой куб, не украшенный национальной символикой, хотя на крыше выросло гнездо камер и антенн. Внутрь вела одна дверь, по обе стороны которой стояли вооруженные польские солдаты. Сбоку от здания дорога шириной с шоссе подходила к огромным откатным воротам в заборе. У ворот на карауле тоже стояло несколько вооруженных солдат. Пост между Польшей и Гинденбергом манил прямо как увитая плющом придорожная гостиница.

К двери здания змеилась очередь, но Фабио просто прошел мимо и махнул паспортом перед одним из солдат у дверей.

– Добрый день, Петр, – сказал он, проходя мимо. – Как жена? А, это Рокко, мой личный помощник. Я бы на твоем месте его не пускал. Очень сомнительный тип, наш Рокко, ха-ха. Покажи Петру паспорт, Рокко, недоумок.

В очереди зароптали. Чувствуя на себе взгляд охранника, Руди достал паспорт, попытался, хотя и без успеха, уверенно улыбнуться, но Петр только махнул рукой, и Руди последовал за Фабио на пограничный пост.

Фабио уже почти прошел узкий коридор за дверью. Руди поспешил его нагнать и высказать маленькому швейцарцу все, что у него накипело на душе, но Фабио обернулся и тепло произнес: «Ну же, Рокко, я ведь говорил тебе не отставать? Думаешь, у тебя почасовая оплата, что ли?» – и Руди понял, что все, что говорится и делается в здании, записывается – возможно, приборами неприличной чувствительности.

– Простите, герр Раушинг, – сказал он смиренно, пытаясь придумать себе легенду с нуля.

В комнате в конце коридора находился польский таможенный и иммиграционный контроль. За стойкой сидел со скучающим видом единственный офицер польской погранслужбы, но он посветлел, когда увидел, как приближается Фабио.

– Добрый день, герр Раушинг, – сказал он весело, когда Фабио и Руди подошли к стойке.

– Добрый день, Пржемек, – Фабио был само добродушие и дружелюбие, словно фокусник, который демонстрирует публике трюк «три карты Монте». – У тебя все хорошо? – с кейсом в руке, похлопывая по карманам в поисках паспорта. – Семья? – кейс на стойке, обшаривает карманы. – Молодец, молодец, – извлекая паспорт и протягивая его. – Я недавно говорил со своим другом насчет школы для Агаты, новости будут уже на следующей неделе, – похлопав по кейсу. – Будешь обыскивать? О, кстати, познакомься с Рокко, моим личным помощником. Настоящий преступник. По одному взгляду все ясно, правда? Ха-ха. Дай Пржемеку паспорт, Рокко, – кейс на полу.

Руди передал паспорт. Пржемек скормил оба в ридер на стойке, проверил результаты по монитору, вернул и пожелал хорошего дня. Фабио забрал кейс и поманил Руди за собой.

В коридоре за комнатой Руди боролся с желанием обернуться, спрашивая себя, не привиделось ли ему то, что сейчас произошло. На миг ему показалось, что, возможно, он стал свидетелем чего-то великого.

В следующей комнате находился таможенный и иммиграционный контроль Линии. Он был идентичен польскому, только за стойкой сидел низкий человек с очень светлыми волосами, в строгой, но довольно удобной на вид черной форме.

– Ларс, – сказал Фабио, – добрый день.

Для Ларса он изменил свой спектакль. Минимум болтовни, не держал на виду кейс, не упоминал о личном помощнике – «преступнике». С Ларсом, насколько смог понять Руди, Фабио все разыграл на одном только языке тела. С профессиональной точки зрения лицезреть подобное – привилегия. Как британцы вообще сумели удержать Фабио? Почему он просто не покинул их страну, не сбавляя шага? «Да, здравствуй, Джеральд. Как семья? Хорошо.

Просто посещаю Польшу, ладно? Замечательно. Молодец. Еще увидимся».

На солнце, с другой стороны здания, у Руди на миг закружилась голова. Очевидно, Фабио проходил этим путем уже не раз – оценивая маршрут, знакомясь, мягко обрабатывая охрану, – но это не отменяло того факта, что он только что уболтал пропустить их за границу с фальшивыми документами, и никому по обе стороны забора не пришло в голову осмотреть кейс. Руди подумалось, что, даже не будь у них паспортов, Фабио все равно сумел бы обвести их вокруг пальца.

– Еще здесь, Рокко? – спросил Фабио с тонкой улыбкой. – Молодец. Не отставай.

– Да, герр Раушинг, – сказал Руди.

– Это не займет много времени, а потом вернешься досматривать свой футбол.

– Я ходил по магазинам с невестой, – автоматически ответил Руди и сам не понял, откуда это взялось. Но Фабио едва кивнул, как будто одобрительно.

– Передашь мои извинения?..

Руди назвал первое имя, что пришло ему в голову: «Данута», – а потом заволновался, что не сможет его вспомнить, если тема снова всплывет в разговоре.

– Данута, – повторил Фабио. – Поступишь с ней как джентльмен, Рокко?

– Наверняка, герр Раушинг.

– И пригласишь меня на свадьбу? Никакой ерунды с шаферством, терпеть этого не могу. Я просто постою в сторонке и пожелаю вам счастья.

– Да, герр Раушинг, – в этот момент Руди был готов последовать за Фабио и во врата ада. Где Фабио, несомненно, уболтал бы дьявола и снова выбрался назад, даже не подпалив пиджак.

Но вместо этого он последовал за Фабио только через широкую гравийную площадку к скромному трехэтажному зданию с лепниной и оранжевой черепицей. За зданием виднелся очередной забор, и сквозь него Руди видел ряды железных путей и стрелки, две огромные поворотные платформы для локомотивов, а также один поезд Линии – гладкий, голубой с зеленым, вагонов на тридцать-сорок, и работавший, если верить рассказам, на двух термоядерных токомаках, хотя изучение термоядерной энергии все еще оставалось в зародыше – это была, по сути, наука о взрывах.

У входной двери белого здания висела скромная латунная табличка. Она гласила: «Консульство Независимой Трансъевропейской Республики». Фабио встал у двери, поднял голову к камере над притолокой и послал воздушный поцелуй. Раздался слабый щелчок, Фабио отдал камере салют и толкнул дверь.

Внутри оказалась скромная приемная, с синим ковром, белыми стенами и безымянными растениями в глиняных горшках по углам. Вокруг низкого кофейного столика из матового стекла друг напротив друга стояли белая софа и два массивных белых кресла. К дальней стене была пристроена светлая деревянная приемная стойка, а по бокам от нее на следующий этаж поднимались лестницы. Когда Руди отпустил за собой дверь на пружине и услышал, как закрылся электронный замок, Фабио уже стоял за стойкой и обхаживал молодую женщину с каштановыми волосами.

– Хэйзел, дорогая моя, – говорил он на английском с заметным акцентом – куда более заметным, чем обычно, – знаешь ли ты, как радуется нашей встрече сердце старика?

– Герр Раушинг, – ответила девушка.

«Носитель языка», – подумал Руди. Она была худой, с заостренным личиком, в черном деловом костюме поверх белоснежной рубашки.

– Работаете в субботу?

– Это легко могло бы подождать до понедельника, но кое-кто в Милане говорит, что все нужно сделать сегодня, – сказал грустно Фабио. Он положил руку на сердце. – Суета сует. О, кстати, это Рокко, мой личный помощник. Он будет время от времени сопровождать меня в дальнейшем, так что придется занести

его в систему, – он достал из кармана пластмассовую коробочку с квадратиком из пластика размером с марку. – Вся информация о нем здесь, чтобы не пришлось утомительно печатать вручную.

Хэйзел с сомнением взглянула на флеш-карту в коробочке.

– Так не принято, герр Раушинг, – сказала она.

– Знаю-знаю, – Фабио изобразил размашистое галльское пожатие плечами. – Но что поделать? Я почти месяц жду от Безопасности документов на согласование, чтобы он получил постоянный статус, но ты же их знаешь. Над каждой i должна стоять точка, в каждой t – черточка, а если пропустишь хоть точку – все нужно переделывать заново. А мне тем временем нужна его помощь, Хэйзел, – он мягко стукнул себя по груди кулаком. – Хэйзел. Всего разок, а? На следующей неделе или после следующей придут бумаги из Безопасности, и все будет в порядке. Мы лишь немного ускоряем процесс, только и всего. И вообще, кого это будет волновать через сто лет?

Хэйзел снова посмотрела на коробочку. Посмотрела на Руди. Руди улыбнулся. Она посмотрела на Фабио. Улыбнулся Фабио.

Наконец волна доброжелательности захлестнула и ее. Он достала флеш-карту из корпуса и вставила в коробочку на столе. Какое-то время печатала на клавиатуре, прочитала что-то на экране, печатала еще. Затем подняла глаза на них обоих и улыбнулась.

– Все готово, – сказала она. Потянулась под стойку и достала белый бейджик. Пристегнула к шнурку и протянула Руди. – Ну вот, Рокко. Добро пожаловать в семью.

Руди посмотрел на карточку. Все еще теплая после принтера. На ней была вытиснена его фотография, вдоль короткого края – ряд золотых точек контакта, а также имя «Рокко Сиффреди». Он поднял бровь.

– Спасибо, – сказал он Хэйзел.

– Умница, – сказал Фабио. – Всегда знал, что ты пойдешь нам навстречу. Я же говорил, что Хэйзел пойдет нам навстречу, Рокко?

– Вы об этом упоминали, герр Раушинг, – сказал Руди.

– Ну, – Фабио взял кейс. – Я твой должник, Хэйзел. Тысяча благодарностей.

– Не за что, герр Раушинг. Рада помочь.

– Увидимся. Рокко? Отправляемся? Чем скорее закончим, тем скорее вернешься к Диане.

– Дануте, – сказал Руди, уловив лукавый блеск в глазах Фабио.

– Данута? – невинно переспросил Фабио. – Прости. Готов поклясться, ты сказал Диана.

Руди покачал головой.

– Данута, герр Раушинг.

– У Рокко есть невеста, – сообщил Фабио театральным шепотом Хэйзел.

– Счастливый Рокко, – сказала та. Улыбнулась Руди.

– Сюда, Рокко, – позвал Фабио, показывая на одну из лестниц. Помахал на прощание Хэйзел.

На полпути наверх Руди придвинулся к Фабио и сказал очень-очень тихо:

– Рокко Сиффреди был порнозвездой.

– Правда? – ответил Фабио так же тихо. – Подумать только.

* * *

Через верхний этаж проходил по кругу коридор, с одной стороны которого шел ряд окон, с другой – ряд дверей с номерами. Фабио подвел его к двери номер 73, достал ключ-карту, вставил в щель и открыл.

Внутри оказался уютный кабинет со столом, легкими стульями и очередным не поддающимся идентификации растением в горшке. На полках стояло множество фотографий Фабио, закинувшего руку на плечи приземистой женщине с тоскливым выражением лица на фоне различных пейзажей. В Альпах. На яхте в каких-то теплых краях. Кажется, на гонке «Формула-1».

– Фрау Раушинг? – спросил Руди.

– Ханнелоре, – подтвердил Фабио. – Дорогая моя.

– Давно вы здесь работаете?

Фабио на секунду задержал на нем взгляд, но, если в кабинете и стояли жучки и их прослушивали, это был вполне разумный вопрос.

– Года полтора, время от времени.

Руди кивнул. Что ж, любопытно. По крайней мере, это объясняло исчезновения Фабио из Кракова.

– Неважно, – сказал Фабио. – Пока устраивайся поудобнее. Мне нужно сходить посоветоваться с коллегой, это дальше по коридору. Скоро вернусь, – и он покинул кабинет.

После ухода Фабио Руди с минуту стоял и смотрел на дверь. Он с удивлением осознал, что в своей первой настоящей Ситуации чувствовал себя ребенком, которого привел на свое рабочее место отец.

В прошлом месяце Фабио почти целую неделю сыпал афоризмами. Один из них был: «На вражеской территории считай, что ты всегда под наблюдением». Помня об этом, Руди решил вести себя, как Рокко. Скучающий, слегка раздраженный из-за того, что его оторвали от Дануты (в воображении Руди у нее были короткие светлые волосы и великолепный бюст – на случай, если кто-нибудь спросит). Он

обошел кабинет. Снова взглянул на снимки. Фабио и… кто? Миссис Фабио? Стрингерша, позирующая для фотографий в обмен на, похоже, довольно насыщенную поездку по всей Европе? Трудно сказать, но он сомневался, что миссис Фабио существует. Навряд ли живой человек в состоянии терпеть Фабио так долго, чтобы дело дошло до алтаря.

Он сел за стол Фабио и покрутился в кресле. Махнул рукой перед монитором, и на нем загорелся скринсейвер с неряшливой персидской кошкой. Продолжать смысла не было. Он не знал паролей Фабио. А если бы и знал и если бы Фабио, вопреки всем правилам ремесла, хранил в системе консульства что-то интересное, оно наверняка зашифровано, а все остальное – только часть легенды герра Раушинга. Стоило бы ознакомиться, чтобы дополнить собственную легенду, но за ним будет следить охранный софт, который удивится, зачем он туда полез.

Руди посмотрел на часы. Десять минут, как Фабио ушел. Он встал и подошел к стульям вокруг очередного стеклянного кофейного столика. На нем были разбросаны польские лайф-стайл-журналы, он сел и пролистал один, качая головой над рецептами блюд. Взглянул на свой пропуск посетителя, висящий на шее на шнурке. Рокко Сиффреди. Снова покачал головой.

Прошло еще десять минут. Дверь открылась. Руди поднял глаза от журнала, ожидая увидеть Фабио, но в проеме стояли двое бритых мужчин в одинаковых костюмах, с беспроводными наушниками. Шеи ни у одного из них не было, и, судя по внешности, они давно злоупотребляли стероидами.

Руди нерешительно улыбнулся.

* * *

Они были очень вежливы. Забрали его одежду. Посадили в камеру, представлявшую собой четырехметровый бетонный куб без окон, в котором единственной примечательной деталью был сток посреди пола и пузырь из укрепленного стекла на потолке, скрывавший не выключавшийся источник света.

Руди долго сидел на полу. Когда голым ягодицам становилось слишком холодно, он вставал и обходил камеру. Он потерял счет времени, но не волновался. Это же все испытание.

Он отчитал самого себя за то, что сразу не догадался. Это же полная ерунда – что Фабио просто проведет его через границу безо всякой подготовки. Следовательно, это испытание. Полная ерунда, что такой человек, как Фабио, мог уболтать пограничников. Следовательно, пограничники участвуют в постановке. Полная ерунда, что Фабио мог разгуливать по консульству Линии без помех. Следовательно, в постановке участвуют все. Как в Ситуации с кузеном Макса, все это испытание выдержки и характера. Руди оставалось только сидеть и ждать, когда оно закончится и он сможет вернуться в «Ресторацию Макса».

Так он думал вплоть до того момента, когда служба безопасности Линии стала пытать его водой.

* * *

В какой-то момент ему выдали оранжевый комбинезон, но он не понял, что это, и ему помогли его надеть. Потом ему помогли, довольно заботливо, дойти по коридору до комнатушки со столом и тремя стульями. На одном стуле уже сидел мужчина неопределенного возраста в обычной одежде. Руди предложили сесть за стол напротив. Третий стул занял кто-то большой и без чувства юмора.

Руди и человек неопределенного возраста долго смотрели друг на друга. У Руди болели ноги, он до сих пор трясся и временами ощущал головокружение.

– Меня зовут Каунас, – сказал в конце концов человек средних лет.

– Это не имя, – сказал Руди через разбитую губу. – Это город.

Каунас снова надолго замолчал. У него было жесткое лицо и седеющие русые волосы, зачесанные со лба. Наконец он спросил:

– Как с вами обращались?

– Меня пытали, – ответил Руди. – Сами на меня посмотрите.

– Где Фабио? – спросил Каунас.

– Он ушел посоветоваться с коллегой дальше по коридору, – сказал Руди. – Какой сегодня день?

Каунас снова долго смотрел на Руди, ничего не отвечая. Затем взглянул на угол потолка и произнес:

– Мы заявим формальный дипломатический протест. Он ничего не знает.

Угол потолка не ответил, но большой человек без чувства юмора на третьем стуле встал и поднял Руди на ноги.

– Это город, – сказал Руди Каунасу, когда его решительно выводили из комнаты.

Вместо возвращения в камеру или какую-то из комнат, где он уже был, его проводили до лестницы, и он вдруг оказался в приемной консульства. За стойкой все еще была Хэйзел. Он улыбнулся ей, проходя мимо, но из-за этого губа начала кровоточить, и Хэйзел отвернулась.

Снаружи у него от солнечного света заболели глаза, но это быстро прошло. Ему помогли сесть в машину с затемненными окнами и удобными, как кожаные облака, сиденьями, и на какое-то время он заснул.

Проснулся, когда его уже выводили из машины. Его провели по шумному помещению, затем по ступеням, затем по коридору в комнату с отъезжающей дверью, большим окном и сиденьями друг напротив друга вдоль стен. Усадили на одно из сидений. Дверь задвинулась. Он выглянул в окно, и, когда за ним все вдруг сдвинулось, его разум отказался воспринимать происходящее. Он снова заснул.

Через какое-то время он проснулся, и вид за окном стал другим. Снаружи стояла большая табличка. На ней было написано «Краков», и это ему о чем-то говорило. Затем дверь отъехала в сторону, кто-то вошел и помог ему встать на ноги, но ноги болели и отказывались слушаться, а потом его стошнило остатками

содержимого желудка, после чего он надолго отключился.

* * *

В больнице его навестил Дариуш. Не сразу, а через несколько дней. Уже после того, как его навестили Макс, кухонная команда и некоторые знакомые из других ресторанов (далеко не все, с разочарованием думал Руди, мысленно пообещав отомстить). Он пришел без объявления, после часов посещения. Руди, который в это время дремал, открыл глаза – и перед ним оказался маленький мафиозо, сидевший у койки с таким видом, будто ему очень хотелось закурить.

– А ты не торопился, – сказал Руди.

– Приносим наши искренние извинения, – произнес Дариуш без преамбулы.

– А, – сказал Руди. – Искренние извинения. Ну, тогда ладно.

Дариуш чуть придвинулся.

– Ты злишься, но…

– Да, – ответил Руди, – я злюсь. Я сразу сказал, что с Фабио что-то не так, а ты не слушал. «Он гений, Руди». «Нужно быть терпимым к гениям, Руди». Пошел ты, Дариуш.

Дауриш помолчал. Затем произнес:

– Ты злишься, но мне нужно знать, что ты им сказал.

Руди посмотрел на него.

– Что?

Дариуш коснулся его руки.

– Мне нужно знать, что ты им сказал.

– Отвали, Дариуш, – Руди отвернулся.

– Это важно, – мягко продолжал Дариуш. – Ты знаешь немного, но и то, что знаешь, может поставить под угрозу… кое-что.

Руди повернулся обратно.

– Твоего имени я не упоминал, если это тебя утешит. Но Фабио макнул в говно, как только мог.

Дариуш отодвинулся и кивнул, словно услышав подтверждение того, что и так знал.

– Случилось кое-что ужасное, – сказал он. – Но это не имеет никакого отношения к Курьерам. Это настолько постороннее дело, насколько только возможно. Ты должен это понять.

– Должен? – Руди с трудом сел, уминая подушки под собой. – Должен? Ты привел мне учителя, а он меня чуть не убил. Это я должен понять?

– Фабио действовал не по приказу, – сказал Дариуш. – Он начал собственную операцию. То, что он делал, не было одобрено Централем. Он взял тебя в консульство как приманку, чтобы выиграть время для собственного отхода.

Приманка.

– Ну, здорово.

Дариуш не торопился задавать следующий вопрос. Он всмотрелся в лицо Руди. Огляделся. Снова посмотрел на Руди.

– Ты все еще хочешь быть Курьером? – спросил он.

– Прошу прощения? – взвыл Руди так громко, что в палату ворвался наряд медсестер, чтобы узнать, что случилось. К этому времени, понятно, Дариуша уже и след простыл.

Пограничный свет

1

– Маленькие народы – как маленькие люди, – сказал сапожник. – Параноики. Дерганые. Вспыльчивые.

– Мм, – сказал Руди.

– Я бы и народами их не назвал, – продолжал сапожник. – Большинство развалится плюс-минус через год. Смотри на меня. Не улыбайся, – он направил на Руди маленькую камеру, подождал мгновение, чтобы зафиксировать кадр, и сделал четыре снимка. Камера была подключена проводом, как и несколько других маленьких устройств и безликих коробочек, к старой побитой «мотороле». – Спасибо. На мой взгляд, у них нет права называть себя народами, пока не пройдет хотя бы столетие.

– Еще долго? – спросил Руди. – Мне нужно успеть на поезд.

Сапожник взглянул на него.

– Войти и выйти из Зоны – детские игры, – проговорил он рассудительно. – Виза резидента и разрешение на работу – намного сложнее.

– Я знаю, – сказал Руди.

– Мой обычный пианист был недоступен, пришлось нанять кое-кого за свой счет.

– Прости, – сказал Руди, надеясь, что сменный пианист окажется надежным.

Сапожник не сводил с него глаз.

– Ты очень молодой.

С этим было невозможно спорить. Руди пожал плечами.

– Смени цвет волос, – сказал сапожник. – Отрасти усы.

– У меня нет времени растить усы.

– Ну, постригись, – сказал сердито сапожник. – На парикмахера время есть? Измени свою внешность. Никто не похож на свою фотографию на паспорте, иммиграционная служба становится подозрительной.

– Может, шляпу надеть, – сказал Руди.

Сапожник еще долго смотрел на него, потом грустно покачал головой. Пошел к телефону и принялся что-то прокручивать на тап-клавиатуре.

– И, конечно, в Зоне бумажные паспорта, – сказал он, пристально глядя на экран телефона. Покачал почему-то головой, ткнул в тап-клавиатуру несколько раз. – С кремнием куда проще.

– Вроде должно быть сложнее.

Сапожник снова покачал головой. Побарабанил по телефону костяшками пальцев.

– С кремнием все можно сделать здесь. С бумагой… ну, нужно найти правильную бумагу, правильные чернила, правильные печати… намного сложнее.

– Ясно, – сказал Руди.

– Мой пианист за десять минут хакнул компьютер погранслужбы Зоны и обновил записи по твоей легенде. Где тут безопасность?

– Ясно, – сказал Руди.

– Вот бы все и делали такие паспорта, – продолжал сапожник. – Кремниевый паспорт может хакнуть любой пианист, но для того, чтобы работать с бумагой и чернилами, нужен художник.

– Ясно, – сказал Руди.

Сапожник отвел взгляд от экрана.

– Ты-то, наверное, думаешь, что все на свете знаешь.

– В этом меня обвиняют впервые, – ответил Руди.

Окно мастерской сапожника выходило на городской пейзаж: острые крыши, изломанные трубами и сотнями разнообразных антенн радио, телевидения и спутников. В отдалении Руди видел краны верфей Гданьска. Верфи разорились еще в начале столетия, и теперь эту землю занимали модные жилые кварталы, студии художников и маленькие дизайнерские фирмы, предназначения которых никто не знает. Подъемные краны сохранили как исторические памятники, хотя никак не могли договориться, кто должен за ними следить, так что они медленно и тихо ржавели.

Мастерская художника, очевидно, была одной из множества времянок Централя, которую арендовал на ежемесячной основе стрингер для любой цели, какой потребуют обстоятельства. Пыльная каморка наверху жилого кирпичного здания, выстеленная линолеумом, который, наверное, остался здесь со времен Второй мировой войны. В углу стояли ящики из-под чая, у окна – древняя деревянная лошадка-качалка. Все инструменты сапожника можно было упаковать в два дипломата средних размеров и быстро переместить куда угодно, если того потребуют обстоятельства. Сам сапожник был таким же безликим, как и комната. Маленький, легкий, среднего возраста, лысеющий, в потрепанной, слегка старомодной одежде.

– Говоришь по-эстонски? – спросил он, читая с экрана ноутбука.

– Более-менее, – сказал Руди. Сапожник кивнул.

– Польский у тебя очень хороший, – сказал он, возвращаясь к экрану. – Но ты откуда-то с побережья – слышно по акценту.

Руди взял обшарпанный венский стул из стопки в углу чердака, поставил, сел и сложил руки на коленях.

– Знаю, – сказал сапожник, – это не мое дело. Все равно в Зоне все говорят на английском, – он достал из кармана маленький сверток – кажется, из замши. Раскрыв, он вынул из него тонкую книжицу в лаврово-зеленой обложке. Сверху на ней был вытиснен стилизованный орел и какие-то буквы.

– На вес золота, даже дороже, – сказал он. – Буквально. Девственный, ни разу не использовали. Чтоб вернул.

– Понял, – сказал Руди.

Сапожник открыл паспорт и наложил на страницу тонкую прозрачную пленку. Затем скормил документ одной из коробочек, подключенных к телефону.

– У нас таких много не бывает, – сказал он, и Руди не понял, говорит ли он о чистых паспортах или о чем-то еще. Сапожник набрал пару команд на тап-клавиатуре, и спустя миг коробочка отдала паспорт. Он снял пленку, и Руди увидел, что теперь его фотография и текст отпечатаны на бумаге.

– Вообще-то, – сказал сапожник, роясь в одном из кейсов, – с их стороны это умное решение.

Руди попытался изобразить интерес.

– Да?

– Не у многих сейчас найдутся инструменты, чтобы успешно выполнять такую работу, – он достал из кейса два штемпеля и две чернильные подушечки. –

Приходится смешивать чернила самостоятельно. Особые флуоресцентные краски, магнитные частицы. Очень хитро.

Руди посмотрел на часы.

Сапожник аккуратно приложил штемпели к чернилам и проставил визу резидента и разрешение на работу. Затем достал роскошную старинную перьевую ручку «Шифер» и прописал в штемпелях даты и инициалы. Затем поставил разные подписи другими красивыми ручками.

– А потом, конечно, им надо было все испортить, – он набрал еще пару команд, и другая коробочка выдала длинную ленту пластика со штрих-кодом. Сапожник снял наклейку и наложил штрих-код на последнюю страницу паспорта.

Наконец он пооткрывал паспорт на разных страницах и размял переплет. Потом закрыл и согнул книжицу. Наклонился и потер обе обложки и края о пыльный пол.

– Поздравляю, – сказал он, протягивая паспорт Руди. – Ты Тонну Лаара.

– Спасибо, – сказал Руди, принимая паспорт. – И правильно говорить Тонну.

Сапожник улыбнулся.

– Другое дело. Уважаю человека, который знает, как правильно произносить собственное имя.

Поляки начали прибывать за пару дней до Нового года.

Первой, 29-го, приехала дюжина человек на трех машинах с лыжами на крышах. Все были знакомы друг с другом, заселились в отель и отправились прямиком на

склоны.

Этим вечером прибыл автобус еще с тридцатью, все были нагружены экипировкой для катания. Из своего люка Руди наблюдал за ними во время ужина, как они критиковали еду и выкрикивали друг другу добродушные оскорбления.

На следующий день – еще больше машин и новый автобус. «Пакетный тур, организованный какой-то фирмой в Верхней Силезии», – сообщил Ян.

– Они останавливаются в городе и скупают в супермаркете весь алкоголь, а потом поднимаются сюда и пьют как сумасшедшие, – сказал он.

– Зачем? – спросил Руди.

Ян размашисто пожал плечами, словно хотел продемонстрировать, что мотивация поляков была для него так же необъяснима, как механика космоса.

Неважно. Большинство поляков из первой автобусной партии на следующее утро покинули отель и нацепили лыжи почти в тот же миг, как над далекими пиками поднялось солнце. Другие остались в своих номерах и приступили к закупленной выпивке, и, когда ранним вечером прибыла вторая компания, уже шумная и пьяная, между двумя группами завязалось несколько потасовок.

Тип некоторых отдыхающих был знаком Руди. Лыжники были обычными поляками, приехавшими, чтобы покататься по склонам и весело провести канун Нового года. А пьющие были моложе тридцати и хорошо одеты – молодые польские предприниматели, которые заработали очень много и очень быстро и захотели отвезти подружек на дешевые, шумные, пьяные каникулы. Тем вечером в столовой много кричали и даже бросались едой. Позже были новые драки, поливание друг друга из огнетушителей, плачущие подружки, с криками бегающие по коридорам с размазанным от слез макияжем.

На кухне Руди выгружал на конвейер древней посудомойки «Хобарт» грязную посуду – корзину за корзиной, обходил ее и забирал с другой стороны полные корзины чистой посуды – на ощупь разогретой едва ли не до температуры плавления. После трех месяцев работы с раскаленными чашками и тарелками его пальцы покрылись волдырями и шелушились, так что он чуть не лишился

отпечатков, посчитав это интересным эффектом.

– В прошлом году было то же самое, – угрюмо сказал Ян, сидя на столе из нержавейки. – Драки, алкогольные отравления. Даже запускали фейерверки в отеле. Пришлось вызывать полицию.

– Зато какая прибыль, – сказал Руди, забрасывая очередную корзину кофейных чашек в «Хобарт».

Ян пожал плечами. Вообще-то он был управляющим отеля, и у него никогда не было свободного времени, так что он редко ложился спать раньше трех утра. Но карьеру в отельном бизнесе он начинал со скромного кухонного работника, нынешней должности Руди, и на кухне чувствовал себя свободнее, чем где-либо еще. Он учился в Лондонской школе экономики и очень хорошо говорил на английском языке, втором языке Руди. Это было очень кстати, потому что чешский у Руди (а знал он его в основном благодаря сходству с польским) был на зачаточном уровне.

– Прибыль, – повторил Ян, словно это была самая удручающая перспектива в его жизни. – И что? Мы ее всю тратим только на ремонт. После того что было в прошлом году, я хотел запретить полякам проживание в отеле, но владельцы сказали, что так нельзя. Ты же очень хорошо говоришь по-польски, да?

– С чего бы, – сказал Руди. – Ни слова.

– Я слышал, как ты болтал с этой девушкой, Мартой. Из вечерней смены уборщиков. Мне показалось, вы говорили по-польски.

– Ты ослышался, Ян, – из профессиональных соображений Руди не хотелось никому рассказывать, откуда он приехал. А из соображений практических – еще меньше хотелось оказаться в ситуации, когда его привлекут к утихомириванию компании безбожно пьяных поляков, а этого не миновать, если Ян решит, что он хоть немного знает язык.

– А, ну может, – Ян тяжело вздохнул и посмотрел на наручные часы. Откуда-то сверху из отеля донесся слабый приглушенный стук, далекий крик, слышный даже сквозь рокот конвейера «Хобарта» и шум воды. – Господи, никак не угомонятся.

– Это всего лишь детишки, которые не знают, куда девать деньги, – сказал Руди, подходя к посудомойке с другой стороны и снимая корзину.

– Не знают, куда девать деньги? – переспросил Ян. – А ты попробуй заставь их заплатить за ущерб. Тогда они сразу знают, зачем им деньги, – он снова посмотрел на часы и неохотно сказал. – Время обхода. Ты точно не говоришь по-польски?

– Я бы заметил, – Руди начал собирать посуду с подноса. Сейчас он уже почти не чувствовал остаточный жар посуды, а в свой первый раз он вскрикнул и запустил тарелку через всю кухню.

Ян покачал головой.

– Не понимаю, что привело такого человека, как ты, в такое место, как это.

– Жизнь полна неожиданностей, – сказал Руди. С момента приезда в Пустевни эту поговорку он повторял при каждом удобном случае.

Ян улыбнулся.

– Ладно, мистер Эстонец, – он соскочил со стола и провел руками по брюкам, разглаживая их. – Бросай дальше горшки и сковородки в посудомойку. Я-то знаю, что ты от чего-то бежишь.

Поначалу Руди опасался, что Ян о чем-то догадывается, но потом осознал, что Ян – один из худших знатоков человеческой природы: управляющий просто подозревал всех подряд на том основании, что иногда оказывался прав.

Руди усмехнулся.

– Мне здесь нравится, Ян. Просто нравится.

И это была правда. После нескольких месяцев в тени, оставшейся после катастрофического визита Фабио в Познань, его жизнь становилась все проще. Вставать, мыть посуду, спать. Ждать, пока прибудет и даст о себе знать

Посылка.

Бескидскую экономическую зону было сложно назвать политией. Скорее, автономным национальным заповедником, созданным, чтобы отнимать деньги у туристов. Он платил огрызку чешского правительства за использование земель, но рента составляла лишь малую долю от мегатонн франков, шиллингов, марок, злотых, евро, стерлингов и долларов, которые каждый год обрушивались водопадом на парк. Эта часть северо-восточной Чехословакии всегда была популярным горнолыжным курортом у соседних стран. Она не утратила популярности, даже когда начала выдавать визы – за небольшое денежное вознаграждение – и ввела вдобавок к абонементам налоги на въезд и выезд. Это была большая горнолыжная машина по производству денег и один из богатейших мусорных народов Центральной Европы.

У нее было идеальное положение. Польская граница – всего в трех четвертях часа езды, Прага – ненамного дальше в противоположном направлении, Вена – в паре часов пути. Зона загребала деньги лопатой, и Руди казалось, что автобусы пьяных поляков – небольшая цена за такую возможность.

Вымыв последний в этот вечер поднос столовых приборов, он выключил машину и приступил к процедуре очистки. Требовалось осушить баки «Хобарта», а также достать и хорошенько промыть корзины из нержавейки. Занятие рутинное, скучное и почему-то успокаивающее.

Как и говорил сапожник, проникновение в Зону – само по себе дело несложное. Он показал паспорт – просто очередной резидент Зоны, возвращающийся домой из отпуска, – и офицер погранконтроля пропустил его, даже не позаботившись просканировать штрих-код и не потребовав входной налог для туристов.

Никто не знал, сколько Курьеров странствовало по бывшей Европе. Может быть, сотня, может быть, тысяча, может быть, в десять раз больше. Сама их работа требовала того, чтобы их было трудно найти; популярная легенда гласила, что они сами тебя найдут: однажды темной ночью придут к тебе на порог, когда нужны больше всего, – в стелс-костюмах под длинными черными тренчкотами, в федорах, сдвинутых на лоб в лучших нуарных традициях, чтобы спрятать глаза. Бред, конечно, сказал бы любой, если бы хорошенько задумался: всякий, кто расхаживал бы в таком виде, просто напрашивался, чтобы его тут же арестовали.

На самом деле все было гораздо менее организованно и более секретно. Централь любил сохранять покров тайны: даже сами Курьеры обычно не знали, кто вызвал их в Ситуацию. Существовали кодовые слова, закладки, использовались передачи на ходу и звонки из таксофонов – со всем этим Руди еще ни разу не сталкивался.

После исчезновения Фабио он остался без учителя, и пробел заполнил Дариуш, безупречно излагая ему основы ремесла в ресторанах и на явочных квартирах. Помогал зазубрить списки паролей, планировать с помощью городских карт и фотографий закладки, практиковать незаметную передачу. Почти снова как на работе у пани Стаси.

– Тебе наверняка все это не пригодится, – сказал ему однажды вечером Дариуш в квартире над баром в Ченстоховой. – Большинство Курьеров не занимается ничем опаснее или незаконнее, чем доставка почты.

– Тогда зачем мне все это запоминать? – спросил Руди.

– Потому что однажды тебе это может понадобиться.

– Чтобы доставить почту?

Дариуш пожал плечами.

– Береженого Бог бережет, согласен?

– Кстати говоря, – спросил мимоходом Руди, листая стопку уличных карт Закопане, – что случилось с Фабио?

– Фабио отошел от дел, – сказал Дариуш и закурил новую сигарету.

– Ты говорил, что он был хорош.

– Он устал, – Дариуш посмотрел на него. – Задачей Фабио было научить тебя азам ремесла, но он предпочел действовать в собственных интересах и не побоялся бросить тебя расплачиваться за последствия. Не забывай об этом. Он начал сомневаться в том, зачем стал Курьером. Кто-то занимается этим ради

денег, кто-то потому, что это привносит в их жизнь безобидные приключения. Фабио уже не знал и сам. Пожалуй, не стоит углубляться в эту тему. И больше не задавай таких вопросов.

Руди начал путаться, какое именно место в общем порядке вещей занимает маленький мафиозо. Он понимал, что в некоторых вопросах Централь и криминальный мир сливались друг с другом вдоль границы из постоянно обновляемых договоренностей, но не мог сказать точно, был ли Дариуш преступником, работавшим на Централь, или Курьером, работавшим с Wesoly Ptak. У него сложилось впечатление, что Дариуш и сам уже не видел разницы.

– А зачем этим занимаешься ты? – спросил он.

– Мне нравится думать, что я поддерживаю дух Шенгена, – Дариуш постучал сигаретой по хрустальной пепельнице, служившей заодно пресс-папье для разглаживания карт. – У всех и у всего есть право свободного прохода через национальные границы.

– У всего? У наркотиков? Оружия? Белых рабов?

Дариуш ухмыльнулся.

– Особенно у наркотиков, оружия и белых рабов.

Неважно. Руди вдруг понял, что согласен с Дариушем. Начиналось все ради безобидного приключения, но чем больше он их переживал, тем чаще думал, что он реально, реально ненавидит границы и всю ту дурацкую бюрократическую волокиту, что идет с ними в комплекте.

Руди достал из машины все фильтры и постучал о край раковины, чтобы стряхнуть мусор, приставший ко дну. Поразительно, что происходило с едой после того, как она попадает в машину. От нее оставалась комковатая розовато-серая слизь, которая накапливалась в желобах и забивала их, препятствуя циркуляции горячей воды. В первые дни он находил в желобах столовые приборы – а не раз даже чашку или стакан, но потом научился раскладывать все в корзинах так, чтобы струи не сбрасывали с конвейера ножи и вилки в кишки «Хобарта».

Также он узнал, как можно помещать посуду и приборы между зубцами конвейера, чтобы их не скинули струи. Это можно делать, если предметов мало, а официанты торопят выдать чистую посуду, что иногда случалось, когда ресторан был полон, а гости не торопились доедать.

Прополоскав желоба, он оставил их у раковины и вернулся к машине, чтобы поднять боковые панели. Навстречу повалило облако жаркого, влажного воздуха с запахом моющего средства. Он залез внутрь, снял струйные форсунки и прополоскал их в раковине.

Наконец он присоединил к крану шланг, достал из-под раковины валик и промыл внутренности машины, на которых быстро нарастала пленка склизкого налета, если не очищать их каждый день. Закончив, он вернул на место форсунки и фильтры, наполнил баки чистой водой, закрыл машину и сделал последний уборочный обход по кухне, прежде чем накинуть парку и отправиться на маленькую погрузочную платформу выкурить сигару.

Было очень холодно и невероятно ясно. Руди почти всю жизнь прожил в городах, где через оранжево-желтое марево мутного света пробивались только самые яркие звезды. Здесь же небо было необъятной бездной, полной твердых, немигающих звезд, а Млечный Путь казался великолепной туманной лентой.

За маленькой дорожкой, что вела к платформе, гора круто опускалась к крошечным созвездиям городков, мигающим в долинах под пленкой смога. Руди видел эти огни каждый вечер, когда выходил ради последней сигары дня, но понятия не имел, как называется большая часть городков. Ян однажды показал и назвал каждый, но Руди уже все забыл.

Еще Ян показал длинным костлявым пальцем в туманную мглистую даль и сказал: «Польша», – словно это имело какое-то тайное значение. Руди только пожал плечами и поблагодарил чеха за то, что сориентировал, где что находится. Было что-то тревожное в уверенности Яна, что Руди как-то связан с Польшей, и он пока не знал, как к этому относиться.

Над ним кто-то раскрыл окно и крикнул на польском: «Сраные чехи! Сраные чехи!» Что-то – Руди показалось, что стул, – вылетело в ночь, шлепнулось в сугроб на краю дороги и заскользило по склону.

– С Новым годом, – сказал он и затоптал ботинком сигару на бетоне.

* * *

Комната Руди была на первом этаже, в боковом коридоре, ведущем от лобби, со множеством дверей в чуланы и маленькие кабинеты. Похоже, здесь тоже раньше был чулан; на стене остались отметины, где когда-то могли висеть полки. Высоко на задней стене было прямоугольное окошко с матовым стеклом, а под ним – узкая кровать, слишком короткая для комфортного сна. Крючки вдоль одной стены изображали его гардероб, а в низком шкафчике у кровати он держал туалетные принадлежности. Места хватало, чтобы не ходить от кровати до двери на цыпочках, но и только. В комнате всегда было уютно и тепло, потому что прямо под ней находился отельный котел, но Руди не хотелось бы оставаться в ней на лето, когда здесь наверняка будет невыносимо.

Он схватил полотенце, мыло, шампунь и сменную одежду и прошел по коридору в маленькую душевую для персонала. Как бы он ни старался, день он всегда заканчивал чумазым и промасленным, как его машина, и требовалось немало целеустремленных усилий, чтобы отмыться.

После душа, прежде чем ложиться, он обычно любил задержаться и пропустить пару стаканчиков в баре на первом этаже, но, проходя через лобби, он услышал из бара крики и заметил, что на шум направляется пара полицейских. Тогда он передумал, вернулся в комнату и взялся за книгу.

* * *

Позже в дверь мягко постучала и вошла Марта.

– Поляки разгромили бар, – сказала она, снимая халат и вешая на крючок за дверью. – Полиция арестовала шестерых, – с тех пор как начали прибывать автобусы, она отзывалась о соотечественниках с легким презрением, словно стараясь от них дистанцироваться.

Вытянувшись на кровати, насколько та позволяла, Руди оторвался от книги и произнес: «Мм».

Марта скинула черное форменное платье и вышла из него, повесив рядом с халатом. Под формой на ней были колготки и поношенный черный лифчик. Она была пышной и веселой девушкой с длинными блеклыми русыми волосами, которые красила в каштановый.

– Я так и думала, что ты будешь прятаться здесь, – сказала она.

– Нам больше нельзя говорить по-польски на людях, – сказал Руди. – Нас слышал Ян.

Расстегивая лифчик, она остановилась и посмотрела на него.

– Тогда нам вообще нельзя разговаривать на людях. – На самом деле она неплохо знала английский, но почему-то стеснялась на нем говорить. Она стянула колготки и трусики и оставила на полу. – Двигайся.

Руди отложил книжку на шкафчик и прижался к стене, чтобы пустить Марту под одеяло рядом. Официально Ян строго порицал отношения между персоналом, но неофициально он избирательно смотрел на них сквозь пальцы, если это не мешало распорядку отеля.

– Почему нам нельзя говорить по-польски? – спросила Марта. Руди обнял ее и вздохнул.

– Я не говорил, что вообще нельзя говорить по-польски. Только на людях.

– Но почему?

Просто объяснить это было невозможно. У Марты каждый ответ только вызывал новый вопрос, однажды они целый вечер потратили на череду вопросов и ответов. В процессе Руди забыл изначальный вопрос, а в конце вообще потерял нить разговора.

– Я не хочу тебе врать, Марта, – сказал он.

– Так обычно говорят, когда хотят соврать, – сказала она, прислонившись головой к его шее.

Что ж, разумно. С этим не поспоришь.

– Я не могу сказать почему, Марта.

Она пожала плечами.

– Я не могу сказать, потому что не хочу тебя втягивать, – сказал он, что было простой, чистейшей правдой.

– Я не против, – сказала она сонно. – Я тебя люблю.

– Так обычно говорят, когда хотят сказать какую-нибудь глупость, – ответил он, но она уже мягко похрапывала, мгновенно заснув. Ян гонял работниц, пока те не падали с ног, но в отеле не хватало людей, потому что всем хотелось провести Рождество и Новый год с семьей.

Руди улыбнулся и поцеловал Марту в макушку. Она никогда не спрашивала, женат он или нет, не состоит ли уже в отношениях, что делает в Зоне. Когда они занимались любовью, пользовались презервативом и таблетками, и на этом ее недоверие к нему исчерпывалось. Марта была простым человеком без затей, с которым никогда не случалось ничего по-настоящему плохого, – как и девяносто девять процентов населения Европы. Ему хотелось рассказать ей, как быстро можно потерять невинность, но он не знал, как передать это словами.

Он обнял ее и почувствовал, как сам погружается в бессознательность, словно подводник, ныряющий спиной с лодки.

* * *

В канун Нового года поляки устроили дискотеку.

Ян тут же хотел выкинуть их из отеля, но владельцы упрямо запрещали. Зона славилась тем, что принимала всех и в любое время, вне зависимости от свинского поведения. Она существовала, чтобы привлекать туристов, и если пойдет слух, что отели начали выгонять людей за такие мелкие проступки, как драки стенка на стенку в коридорах, поливание из огнетушителей в баре и

катапультирование мебели из окон седьмого этажа, то экономика Зоны может пострадать.

Это был философский вопрос, в котором Ян и владельцы отеля решительно расходились. Ян хотел управлять отелем, владельцы хотели зарабатывать. В идеальном мире они бы нашли какой-то взаимно приемлемый компромисс. В реальном же Ян – и другие управляющие – были вынуждены страдать. Чтобы напроситься на выселение из отеля в Зоне, постоялец должен был вести себя исключительно отвратительно. Поэтому часто Зона была довольно буйным местом, хотя и вполне терпимым, если не считать государственных праздников.

Дискотека входила в пакет поляков. И история этого пакета, похоже, уходила корнями в первые годы после падения коммунизма. Поездка в Зону, визит в супермаркет в долине, лыжи для тех, кому это интересно, дискотека и накрытый стол в канун Нового года. А вместе с тем, начинал понимать Руди, существовала негласная часть пакета, куда входило насилие, колоссальные объемы алкоголя и полная потеря контроля со стороны тех, кто сопровождал тур.

Из люка между маленькой столовой и кухней Руди наблюдал, как подают ужин. Терпимость Яна к полякам, и в лучшие времена ослабленная, испарилась окончательно, и он велел шефу заняться гостями в большой столовой. Затем снял пиджак управляющего, надел фартук и поварской колпак и пошел готовить для поляков сам.

Весь день он колошматил куски дешевой свинины мясным молотком, макал их в муку и яйца и панировал хлебными крошками. Когда Руди пришел на свою смену, он застал, как тот ставил в холодильник подносы с котлетами в панировке для вечерней трапезы.

Поляки приоделись. Самые главные возмутители спокойствия – те, кто начинал драки, брал без спроса огнетушители и швырял мебель из окон, – были одеты лучше всех, в великолепно скроенные дорогие костюмы из мягкой черной ткани. Их подружки были в парижских платьях, которые в этом году состояли в основном из оборок и кружевных вставок. Руди видел таких людей в Кракове ранними вечерами, когда они выходили из лимузинов с водителями у казино. Что они делали здесь, зачем платили жалкие крохи, чтобы смешаться с бедняками, когда могли забронировать целый этаж в «Марриотте» где угодно в Европе, было выше его понимания. Он давно бросил попытки разгадать поляков.

На кухне трудился Ян: поджаривал заготовленные свиные котлеты, метал их, все еще шипящие от жира, на тарелки, шлепал сверху жареное яйцо и добавлял вареную картошку со стручковой фасолью. Лицо управляющего блестело от пота, а в его глазах читалось, как казалось Руди, нечто вроде безумного восторга – из-за того, что он готовил эту хрень полякам. Руди хотелось объяснить ему, что поляки как раз эту хрень и любят; они считают ее приличной домашней кухней, буквально национальным блюдом, а Ян только выставляет себя дураком.

Но он ничего не сказал. Вечер обещал быть трудным, даже если не придется уворачиваться от вопросов управляющего о Польше. Когда в люк стали возвращаться чашки, стаканы и тарелки, Руди раскочегарил «Хобарт» и принялся загружать подносы.

Обычно Ян не пил, пока не заканчивал смену, но в честь Нового года он позволил себе открыть на кухне бутылку «Бехеровки», и между очередной переменой блюд и поступлением грязной посуды они устроились на столе, смешали тоник с биттерами, приготовив коктейль, который чехи называли бетон, и подняли тост.

– Na zdrav?, – сказал Ян, поднимая стакан.

– Будем, – Руди посмотрел на часы. Десять минут двенадцатого, а шум в столовой уже напоминал гвалт на важном футбольном матче.

Ян опустошил стакан и вытер лоб рукой.

– Я и забыл, как это весело.

Руди улыбнулся.

– Тогда что скажешь насчет махнуться работой?

– Что? – Ян рассмеялся и показал стаканом в сторону «Хобарта». – Снова возиться с этой штуковиной? Я работал годами, чтобы мне больше не приходилось к ней приближаться, – он наполнил стаканы. – Хотя я неплохо справлялся.

– Не сомневаюсь.

Ян поднял стакан для очередного тоста и снова его опорожнил.

– Справлялся. Правда.

Руди взглянул на четыре подноса чашек, тарелок и приборов, лежавших на столе, и многозначительно кивнул на них.

– Нет, – сказал Ян, проследив его взгляд.

– Почему нет?

– Они уже чистые. Это не то.

Руди пожал плечами.

– Какая разница?

Ян лукаво улыбнулся.

– Пятьдесят крон?

Пятьдесят крон были ставкой Руди за смену – но черт с ним, это же Новый год.

– Ладно.

– Хорошо. – Ян соскочил со стола. – Ты первый.

Они поровну разделили содержимое подносов между двумя корзинами, и Ян встал рядом с Руди, подняв часы к глазам.

– На старт, внимание! Марш!

Тут был свой ритм – надо было сгибать бедра, но не сдвигать ноги. Чашки расставлялись на подносе вверх ногами и насаживались на шипы конвейера, затем бралась стопка тарелок, и они по одной располагались между шипов. Руди был очень хорош. Когда он закончил загружать в машину первый поднос, с другого ее конца уже показались чашки, так что ему пришлось обежать ее и достать их, затем тут же собрать тарелки и сложить в стопку. Затем обратно на другой конец – загружать следующий поднос.

– Не так уж плохо, – сказал Ян, останавливая часы, когда Руди положил последнюю тарелку. – Но и ничего хорошего. На, – он отдал часы. – Нажмешь серебряную кнопочку один раз, чтобы перезапустить секундомер, потом еще раз, чтобы запустить заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Лесные курьеры (фр.) – так называли франко-канадских торговцев, которые путешествовали в отдаленные части Северной Америки для торговли с индейцами (прим. пер.).

Купить: https://tellnovel.com/hatchinson_deyv/osen-evropy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити